

Настоящая любовь

Автор:

[Тейлор Рейд](#)

Настоящая любовь

Тейлор Дженкинс Рейд

Эмме Блор повезло встретить настоящую любовь. Она планировала провести с Джессом много лет, чтобы у их истории был счастливый конец. Вместе они пережили взросление, объездили полмира и всегда знали – они родственные души, с рождения. Когда вертолет Джесса пропал над Тихим океаном, Эмма потеряла частичку себя. Нельзя полюбить кого-то так же сильно. Он был слишком хорош, чтобы заменить его на другого, а ушел слишком трагично, чтобы не сравнивать его с другими. Но жизнь подчас дарит нам сюрпризы. Большой настоящей любви свойственно повторяться. Не верьте стереотипам, что она непременно будет лишь раз в жизни. Эмма почти оскорблена тем фактом, что ее неудержимо влечет к Сэму, другу детства, чей образ жизни она всегда отрицала.

Ирония судьбы: отныне у Эммы есть целых две невыносимые любви, она разрывается пополам, а Джесс подает ей знаки «с того света»...

Тейлор Дженкинс Рейд

Настоящая любовь

Taylor Jenkins Reid

One True Loves

Copyright © 2016 by Taylor Jenkins Reid

© И. Наумова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Эта книга является художественным произведением. Все ссылки на исторические события, реальных людей или места вымышлены. Имена, герои, места и события – плод авторского воображения, а любое сходство с подлинными событиями, местами или людьми, будь то живые или умершие, являются совершенным совпадением.

* * *

Я вместе со своим женихом заканчиваю ужинать в кругу семьи, когда звонит мой муж.

Сегодня день рождения моего отца, которому исполнилось шестьдесят четыре года. На нем надет его любимый свитер, тот самый из кашемира темно-зеленого цвета, который мы с моей старшей сестрой Мари выбрали для него два года тому назад. Думаю, именно поэтому он так сильно любит его. Да, и еще потому, что он из кашемира. Я не шучу.

Мама, одетая в белую блузку и брюки защитного цвета, сидит рядом с ним, стараясь сдерживать улыбку. Она знает, что с минуты на минуту принесут крохотный торт со свечой и мы запоем. В своей готовности удивляться она непосредственна, как ребенок.

Мои родители женаты уже тридцать пять лет. Они вырастили двоих детей и вместе ведут дела в успешном книжном магазине. У них две обожаемые внучки. Одна из их дочерей стала владелицей семейного бизнеса. Им есть чем гордиться. Для моего отца это счастливый день рождения.

По другую сторону от мамы сидит Мари, и именно в такие моменты, когда обе они сидят рядышком и смотрят в одном направлении, я понимаю, как они похожи. Каштановые волосы с шоколадным оттенком, зеленые глаза, миниатюрное телосложение.

Я же уродилась толстозадой.

К счастью, со временем я это оценила. Разумеется, есть немало песен, прославляющих зад, и если после тридцати я чему-то действительно научилась, то именно тому, что готова без всяких оправданий быть самой собой.

Меня зовут Эмма Блэр, и я толстозадая.

Мне тридцать один год, мой рост составляет пять футов и шесть дюймов[1 - Приблизительно 167 см. (Здесь и далее примечания переводчика.)], у меня светлые волосы и отросшая стрижка «под мальчика». Светло-карие глаза затмевает созвездие веснушек на правой скуле. Отец часто шутит, что мог бы составить из них Малую Медведицу.

На прошлой неделе мой жених Сэм подарил мне кольцо, на покупку которого он потратил почти двухмесячный заработок. Кольцо из розового золота с бриллиантом. Хотя это не первое кольцо, которое дарят мне в день помолвки, бриллиантов я никогда не носила. Когда я оглядываю себя, то только его и вижу.

- О нет, - говорит папа, заметив троих официантов, направляющихся к нам с освещенным пламенем свечи куском торта. - Ребята, вы не...

Это не ложная скромность. Отец краснеет, когда публика начинает петь в его честь.

Мама оглядывается, желая увидеть то же, что и он.

- О, Колин, - успокаивает его она. - Успокойся, это твой день рождения...

Официанты резко поворачивают налево и направляются к другому столу. Видимо, сегодня день рождения не только у моего отца. Мама, видя, что происходит, пытается исправить положение.

- ...Это оттого, что я не попросила их принести торт, - говорит она.

- Прекрати, - говорит папа. - Ты себя выдала.

Наконец официанты обслуживают чужой столик, а управляющий выходит с другим тортом. Теперь все они направляются прямо к нам.

- Если хотите, спрячьтесь под столом, - говорит Сэм. - Я скажу, что вас здесь нет.

Сэм ненавязчиво красив - на мой взгляд, красота не способна проявить себя лучше - глаза у него мягкого карего оттенка, отчего кажется, что он на все смотрит с нежностью. И он забавный. Правда. После того как мы с Сэмом начали встречаться, я заметила, что мои морщинки возле губ стали отчетливее. Вероятнее всего, это оттого, что я постарела, но я не могу избавиться от чувства, что просто смеюсь чаще, чем прежде, и именно в этом причина. Что еще ожидать от человека, если не доброты и юмора? Не уверена, что для меня имеет значение что-то другое.

Приносят торт, мы все громко поем, а отец краснеет, как свекла. Потом официанты разворачиваются, и мы остаемся наедине с огромным шоколадным тортом с ванильным кремом.

Официанты оставили пять ложек, но отец мгновенно сгребает их все.

- Не знаю, зачем они оставили так много ложек. Мне нужна всего одна, - говорит он.

Мама отнимает у него одну ложку.

- Не спеши, Эшли, - останавливает он ее. - Мне пришлось стерпеть унижение. Я должен съесть этот торт в одиночку.

- Если вам от этого весело... - говорит Мари, - то, прошу вас, устройте такую же канитель на мой день рождения в следующем месяце. Оно того стоит.

Мари отпивает глоток диетической кока-колы и смотрит на телефон, чтобы узнать, сколько времени. Ее муж Майк остался дома с моими племянницами – Софи и Авой. Мари редко оставляет их так надолго.

– Мне нужно идти, – говорит Мари. – Простите, что покидаю вас, но...

Ей не обязательно что-либо объяснять. Мама и папа встают и крепко обнимают Мари на прощание.

Сразу после ее ухода отец наконец соглашается поделиться с нами тортом, при этом мама говорит:

– Звучит грустно, но я не стану обращать на это внимания. Я не стану уходить раньше, потому что я так взволнованна оттого, что ко мне вернулись обе мои девочки.

Я точно знаю, что она скажет потом.

– Ребята, вы задумывались о том, когда сможете наконец-то пожениться?

Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не закатить глаза.

– Мама...

Сэм уже смеется. Он позволяет себе такую роскошь. Ведь он только из уважения относится к ней, как к матери.

– Я завела этот разговор потому, что все больше и больше исследований говорят о том, как опасно слишком долго ждать, прежде чем обзавестись ребенком, – добавляет мама.

Всегда найдутся исследования, доказывающие, что я должна поспешить, и те, что доказывают, что я не должна этого делать, а я решила, что рожу ребенка, когда буду себя чертовски хорошо чувствовать и буду готова, независимо от того, что прочитала моя мать на сайте [Huffington Post](https://www.huffpost.com).

К счастью, взглянув на мое лицо, она была вынуждена дать задний ход.

– Ничего, ничего, – говорит она, помахивая рукой. – Я говорю так же, как моя собственная мать. Забудь об этом. Я больше не буду.

Папа смеется и обнимает ее.

– Прекрасно, – говорит он. – Я в коме от сладкого, а у Эммы и Сэма есть дела поинтереснее, чем сидеть здесь с нами. Давайте попросим счет.

Через пятнадцать минут мы вчетвером стоим на улице у ресторана, поглядывая в сторону своих машин.

На мне темно-синее платье-свитер с длинными рукавами и плотное трико. Этого вполне достаточно для того, чтобы оградить меня от холодного вечернего воздуха. Это один из последних вечеров, когда я осмеливаюсь выйти без шерстяной куртки.

Самый конец октября. Осень уже обосновалась в Новой Англии, застав ее врасплох. Желтые и красные листья становятся коричневыми и хрустят под ногами. Сэм однажды уже заезжал в дом моих родителей, чтобы сгрести граблями листья и очистить двор. Скоро наступит декабрь, когда температура опустится ниже нуля, тогда они с Майком будут грести снег.

Но сейчас в воздухе еще осталось немного тепла, поэтому я изо всех сил наслаждаюсь им. Когда я жила в Лос-Анджелесе, я никогда не наслаждалась теплыми ночами. Ты перестаешь радоваться тому, что длится вечность. Отчасти поэтому я переехала обратно в Массачусетс.

Шагая в сторону машины, я слышу приглушенный сигнал сотового телефона. Я пытаюсь найти его в сумочке, слыша, как отец упрощивает Сэма дать ему несколько уроков игры на гитаре. У папы досадная привычка, он хочет научиться играть на всех инструментах, которыми владеет Сэм, ошибочно принимая его не за учителя музыки, а за своего учителя музыки.

Я роюсь в сумочке, разыскивая телефон, и хватаю ту единственную вещь, которая светится и мерцает. Я не узнаю номер. Зональный код 808 ни о чем мне не напоминает, но пробуждает во мне интерес.

В последнее время ни у кого за пределами кодов 978, 857, 508 или 617 – это разные коды Бостона и пригородов – нет причин звонить мне.

А особенный код 978 всегда обозначал дом, независимо от того, на каком конце планеты я находилась. Я могла провести год в Сиднее (612) и несколько месяцев шагать с рюкзаком от Лиссабона (35121) до Неаполя (39081). Я могла провести медовый месяц в Мумбае (9122) и счастливо прожить несколько лет в Санта-Монике, в Калифорнии (310). Но, когда мне нужно было поехать «домой», код 978 означал для меня дом. И с тех пор ничего не изменилось.

И вдруг я вспоминаю, что 808 – это Гавайи.

– Алло? – говорю я, отвечая на звонок.

Повернувшись, Сэм смотрит на меня, и скоро его примеру следуют мои родители.

– Эмма?

Голос, который говорит со мной, я узнала бы где и когда угодно, голос, который много лет был со мной день за днем. Тот самый, который, мне казалось, я никогда больше не услышу, я не готова даже поверить, что это он.

Мужчина, которого я любила с семнадцати лет. Мужчина, оставивший меня вдовой, когда его вертолет упал где-то над Тихим океаном и исчез без следа.

Джесс.

– Эмма, – говорит Джесс. – Это я. Я жив. Ты слышишь меня? Я еду домой.

* * *

Думаю, каждый из нас переживает такой момент, когда его жизнь раскалывается пополам надвое. Когда оглядываешься назад, на свою собственную линию жизни, то где-то на своем пути видишь острый зубец, какое-

то событие, изменившее тебя больше, чем все остальное.

Момент, разделяющий все на «до» и «после».

Возможно, это случается, когда ты встречаешь свою настоящую любовь или когда рождается первенец. Может быть, это нечто удивительное. Может быть, нечто трагическое.

Но, когда это происходит, оно окрашивает твои воспоминания, меняет твой взгляд на собственную жизнь, и тебе вдруг кажется, будто все, что ты пережила, подпадает под ярлык «до» или «после».

Обычно я думала, что таким моментом в моей жизни была смерть Джесса.

Казалось, все, что было связано с нашей историей любви, вело к этому. И с тех пор все было реакцией на нее.

Но теперь я знаю, что Джесс никогда не умирал.

Все, что сегодня случилось до, кажется теперь другим, и я не имею ни малейшего представления о том, что случится после этого.

До. Эмма и Джесс

Или история о том, как влюбиться и пропасть

Я никогда не была ранней пташкой. Но, когда я была подростком, моя ненависть к яркому утреннему свету была сильнее обычного по субботам, после восьми утра.

Отец, точный как часы, стучал в мою дверь и говорил: «Автобус отправляется через полчаса», даже если «автобусом» был его «Вольво», и он направлялся не в школу, а в наш семейный магазин.

Дядюшка моего отца основал магазин «Blair Books» в шестидесятих годах, на том самом месте, где он до сих пор и стоит – на северной стороне Грейт-Роуд в Эктоне, штат Массачусетс.

И, так или иначе, это означало, что, когда я подросла и получила законное право на работу, я в определенные дни недели после школы и каждую субботу должна была обзванивать по телефону заказчиков.

Мне досталась суббота, потому что Мари захотела воскресенье. Прошлым летом, накопив свою зарплату, она купила потрепанный темно-синий джип «Чероки».

Единственный раз я сидела в джипе Мари в тот вечер, когда она купила его, на радостях она пригласила меня в кафе «Kimball's Farm» поесть мороженого. Мы прихватили большой стакан шоколада для мамы и папы, и он таял, пока мы сидели на капоте ее машины и ели такое приятное в летнюю жару сливочное мороженое с фруктовым сиропом.

Мы жаловались друг другу на то, что нам приходится работать в книжном магазине, и на то, что мама всегда посыпает картошку пармезаном. Мари призналась, что курила травку. Я обещала ничего не говорить родителям. Потом она спросила меня, целовалась ли я когда-нибудь, а я отвернулась и посмотрела в другую сторону, боясь, что она прочитает ответ на моем лице.

– Это нормально, – сказала сестра. – Многие впервые поцеловались только после того, как перешли в среднюю школу. – На ней были шорты цвета хаки и темно-синяя рубашка с воротником, уголки которого застегивались на пуговицы, на ключицы каскадом спускались две тонкие золотые цепочки, скрываясь в выемке бюстгалтера. Она никогда до конца не застегивала рубашку. Расстегнутая пуговица всегда оставалась ниже, чем это было прилично.

– Да, – сказала я. – Я знаю. – Но я отметила, что она не сказала: «Я впервые поцеловалась только тогда, когда перешла в среднюю школу». Чего я, разумеется, только и хотела услышать. Меня не беспокоило, что я не похожа на кого-то. Меня беспокоило, что я не похожа на нее.

– Теперь, когда ты перейдешь в среднюю школу, все будет проще, – сказала Мари, заглатывая остатки тонких ломтиков мятного шоколада. – Поверь мне.

В тот момент я верила всему, что говорила мне сестра.

Но тот вечер был исключением в моих отношениях с сестрой, редкий момент близости между двумя людьми, которые просто сосуществовали рядом друг с другом.

Между тем начался учебный год, и я каждый день проводила в том же здании, что и Мари. Вечером, проходя мимо друг друга по коридорам нашего дома, и днем в школе мы не отступали от правил и вели себя как враги во время перемирия.

Итак, представьте мое удивление, когда, будучи ученицей девятого класса[2 - Система школьного образования в США включает в себя 12 классов. С 9-го класса начинается обучение в средней школе (14-17 лет). Обучение в начальной школе начинается с 6 лет.], однажды в субботнее весеннее утро я проснулась в восемь часов десять минут и узнала, что мне не нужно идти на работу в «Blair Books».

- Мари едет с тобой покупать новые джинсы, - сказала мама.

- Сегодня? - спросила я ее, сев на кровати и протирая глаза, соображая при этом, могу ли я еще немного поспать.

- Да, в пассаже, - добавила мама. - Любую пару, какую ты захочешь. Я положила на стойку пятьдесят долларов. Но если ты потратишь больше, то доплатишь из своих денег.

Мне были нужны новые джинсы, потому что старые прохудились.

Предполагалось, что мне дарят пару новых джинсов на каждое Рождество, но я была так разборчива в своих желаниях, так нервничала, раздумывая о том, что это будут за джинсы, что мама отказалась от своей привычки. Теперь мы уже дважды ходили в пассаж и возвращались оттуда спустя час, при этом мама изо всех сил старалась скрыть свое раздражение.

Мне это было в новинку. Маме всегда хотелось быть рядом со мной, все мое детство она страстно жаждала моей компании. Но, в конце концов, я стала такой надоедливой, что ей захотелось подсунуть меня кому-нибудь другому. Тем более в субботу.

– Кто же будет работать за кассой? – спросила я. Едва эти слова сорвались с моих губ, как я об этом пожалела. Я вдруг занервничала из-за того, что все испортила. Мне следовало просто сказать: «Хорошо», и медленно удалиться, чтобы не раздражать ее.

– Мы наняли нового мальчика, его зовут Сэм, – сказала мама. – Он молодец. Ему нужна работа на неполный день.

Сэм был старшеклассником из нашей школы, который однажды зашел в наш магазин и сказал: «Могу ли я написать заявление о приеме на работу?», хотя формально мы никого не нанимали, а большинство подростков хотело работать в магазине, продававшем компакт-диски, расположенном на нашей улице. Родители незамедлительно наняли его.

Он был довольно привлекательным – высоким и худым, с кожей оливкового цвета и темно-кариими глазами – и у него всегда было хорошее настроение, но оказалось, что я не могла полюбить его, раз Мари считала его «очаровательным». Я не могла заставить себя полюбить все, что нравилось ей.

Надо сказать, что такой образ мыслей начал значительно ограничивать круг моих друзей и стал неприемлемым.

Мари любила всех, и все любили Мари.

Она была золотым ребенком, тем, кому суждено быть любимчиком у родителей. Моя подруга Оливи за спиной обычно называла ее «дочерью книготорговцев», потому что она даже выглядела как девушка, чьи родители владеют книжным магазином, словно существовал определенный стереотип, и Мари, как почетный знак, служила этикеткой каждой из его характерных черт.

Она читала взрослые книги, и писала стихи, и увлекалась литературными героями, а не кинозвездами, отчего нас с Оливи тошнило.

Когда Мари была в моем возрасте, она посещала литературный факультатив, решив, что хочет «стать писателем». Кавычки здесь необходимы, потому что единственным, что она когда-либо написала, была таинственная история об убийстве, где убийцей оказалась младшая сестра главной героини, Эмили. Я

прочитала ее, и могу сказать, что она была совершенным бараклом, но Мари отдала ее в школьную газету, и там история так понравилась, что на протяжении девяти недель весеннего семестра ее печатали по частям.

То, что ей все удавалось, при этом она была одной из самых популярных девушек в школе, еще больше усугубляло мое положение. Это просто служило доказательством того, что если ты достаточно красива, значит, тебя считают крутой.

Тем временем я, по секрету от всех, прочитала в библиотеке литературные обзоры почти всех книг, которые нам задавали в школе. У меня в комнате была куча романов, подаренных родителями, но я отказывалась даже раскрыть их.

Мне нравились музыкальные видеофильмы, развлекательные телепередачи NBC по четвергам и все без единой женщины, принимающие участие в музыкальном фестивале «Ярмарка Лилит». Когда мне было скучно, я рассматривала старые выпуски маминого журнала путешественников Travel + Leisure, вырезала оттуда картинки и прикрепляла их кнопками к стене. Стена над моей кроватью превратилась в калейдоскоп журнальных обложек с портретами Киану Ривза, аннотаций к альбомам Тори Эймс, разворотов с видами Итальянской Ривьеры и французской провинции.

И никто, повторяю, никто не относился ко мне как к любимому ребенку.

Родители шутили, что медсестра в больнице, должно быть, принесла им чужого ребенка, и я всегда смеялась над этим, но я много раз смотрела детские фотографии своих родителей, а потом пристально разглядывала себя в зеркало, находя сходство и напоминая себе о том, что я – их дочь.

– Ладно, прекрасно, – сказала я маме, больше волнуясь из-за того, что мне не нужно идти на работу, чем из-за того, что придется провести время с сестрой. – Когда мы поедем?

– Не знаю, – ответила мама. – Спроси у Мари. Я уйду в магазин, увидимся за ужином. Целую, дорогая, хорошего дня.

Когда она закрыла дверь, я быстро улеглась в постель, готовая насладиться каждой лишней минутой сна.

Где-то после одиннадцати Мари ворвалась в мою комнату и сказала: «Вставай, мы уходим».

Мы отправились по магазинам, и я перемерила дюжину джинсов. Одни были слишком мешковатыми, другие – слишком узкими, у третьих была слишком завышенная для моей фигуры талия.

Примерив двенадцатую пару и выйдя из примерочной, я увидела Мари, пристально смотревшую на меня с выражением бесчувственной скуки.

– Смотрятся отлично, бери их, – сказала сестра. Она с головы до ног была облачена в одежду марки «Abercrombie amp; Fitch». Мы были на рубеже нового тысячелетия, и все в Новой Англии с ног до головы одевались в фирменные вещи «Abercrombie amp; Fitch».

– Они странно смотрятся на заднице, – сказала я, оставаясь совершенно спокойной.

Мари пристально посмотрела на меня, словно ожидая чего-то.

– Повернись ко мне спиной, тогда я смогу посмотреть, хорошо они сидят сзади или нет, – наконец сказала она.

Я повернулась.

– Ты в них смотришься так, словно носишь подгузник, – сказала она.

– Именно об этом я и говорила.

Мари закатила глаза.

– Продолжай. – Она очертила пальцем круг в воздухе, показывая, что мне следует вернуться в примерочную. Я так и сделала.

Я как раз стягивала с себя последнюю пару, когда она перекинула через дверцу полинялые прямые джинсы.

– Примерь эти, – сказала Мари. – Джоэлль носит такие же, а у нее такая же толстая попа, как у тебя.

– Большое спасибо, – сказала я, хватая джинсы, висевшие на дверце.

– Я просто пытаюсь помочь тебе, – сказала она, а потом я увидела ее ноги, удаляющиеся от примерочной, словно разговор был окончен только потому, что ее он больше не интересовал.

Я расстегнула молнию и натянула джинсы. Чтобы застегнуть их на себе, мне пришлось с трудом протиснуть в них бедра и максимально втянуть живот. Распрямившись, я смотрела на себя в зеркало, принимая разные позы и крутя головой, чтобы проверить, как я выгляжу со спины.

Моя попа как будто похудела, а грудь, казалось, увяла. Я прочитала немало номеров маминого журнала Гламур и знала, что это называется «грушевидной фигурой». Живот был плоским, но бедра становились все шире. У Оливи пополнели грудь и живот, и я раздумывала, не лучше ли мне выбрать такой тип фигуры. В форме яблока.

Но, если быть честной перед самой собой, единственное, чего мне хотелось, так это того, что мама передала по наследству Мари – умеренного размера попу, умеренного объема грудь, каштановые волосы, зеленые глаза и густые ресницы.

Вместо этого я пошла в отца – не совсем светлые и не совсем темные волосы, глаза – нечто среднее между карими и зелеными, а фигурой я была не похожа ни на кого из своих родителей. Однажды я спросила у мамы, откуда у меня такие короткие, крепкие ноги, и она сказала: «По правде сказать, не знаю» – так, будто ничего более неприятного она мне никогда не говорила.

В моей внешности была только одна изюминка, которая мне поистине нравилась. Мои веснушки, россыпь темных пятнышек под правым глазом. Укладывая меня в детстве спать, мама обычно пересчитывала их пальцем.

Я любила свои веснушки и ненавидела свою задницу.

Итак, я стояла в примерочной, все, что мне хотелось, это подобрать пару джинсов, в которых моя попа смотрелась бы чуть поменьше. Кажется, эти джинсы с такой задачей справлялись.

Я вышла из примерочной, чтобы узнать мнение Мари. К сожалению, ее нигде не было видно.

Я вернулась в примерочную, понимая, что никто, кроме меня, не может принять решение.

Я еще раз посмотрелась в зеркало.

Нравятся ли мне они?

Я посмотрела на этикетку. Тридцать пять долларов.

С учетом налога у меня еще оставались деньги на то, чтобы съесть в ресторанном дворике цыпленка под соусом терияки.

Я сняла джинсы, направилась к кассе и расплатилась выданными родителями деньгами. В награду я получила пакет с единственной парой джинсов, к которым я не испытывала ненависти.

Мари по-прежнему нигде не было видно.

Я дошла до магазинчика косметики, чтобы посмотреть, не покупает ли она бальзам для губ или гель для душа. Полчаса спустя я нашла ее в магазине «Клэр», где она покупала серьги.

– Я искала тебя повсюду, – сказала я.

– Извини, я смотрела ювелирные изделия. – Мари забрала сдачу, аккуратно положила ее в бумажник, а потом взяла крохотный пластиковый пакетик, в котором, несомненно, лежало поддельное золото, которое непременно будет оставлять на ее ушах зеленовато-серые следы.

Я последовала за сестрой, уверенно покидавшей магазин и направлявшейся к выходу, где мы припарковались.

– Подожди, – сказала я, останавливаясь на месте. – Я хочу заглянуть в ресторанный дворик.

Мари повернулась ко мне и посмотрела на часы.

– Прости, мы не можем этого сделать. Мы опоздаем.

– Куда?

– На соревнования по плаванию, – ответила она.

– Какие соревнования по плаванию? – спросила я. – Никто ничего не говорил об этом.

Мари не ответила, потому что ей не нужно было этого делать. Я уже шла вслед за ней к машине, мне уже хотелось ехать туда, куда она сказала, и делать то, что она сказала.

Только после того, как мы сели в машину, она соизволила проинформировать меня.

– В этом году Грэм – капитан команды пловцов, – сказала она.

Ах да.

Грэм Хьюз. Капитан любой команды, игроком которой он является. Владелец «лучшей улыбки» в альбоме выпускного класса. Человек именно того сорта, с которым могла бы встречаться святая Мария из Эктона.

– Здорово, – сказала я. Мне было ясно, что в ближайшем будущем мне предстоит не просто сидеть и смотреть заплывы на пятьдесят метров вольным стилем, но также ждать потом в машине Мари, пока они с Грэмом будут целоваться взапус в его машине.

- Не можем ли мы хотя бы прихватить что-нибудь по пути? - спросила я.

- Да, конечно, - сказала она.

А потом я, собрав в кулак всю свою уверенность, сказала:

- Ты платишь.

Обернувшись, Мари рассмеялась.

- Тебе четырнадцать лет. Ты не в состоянии купить себе что-то на ленч?

Она обладала удивительнейшей способностью ставить меня в глупое положение даже тогда, когда я была крайне уверена в себе.

Мы остановились у ресторана «Burger King», и я, сидя на переднем сиденье ее машины, съела сэндвич «Whopper Jr.», испачкав руки кетчупом и горчицей, и была вынуждена ждать до тех пор, пока мы не припарковались и не нашли салфетки.

Мари покинула меня в ту же минуту, как только мы ощутили витавший в воздухе запах хлорки. Поэтому я заняла место на трибуне и старалась изо всех сил развлекать себя.

Закрытый бассейн был полон едва одетых, физически развитых мальчиков моего возраста. Я не знала, куда деть глаза.

Когда Грэм появился у бортика и прозвучал свисток, я увидела, как он прыгнул в воду с легкостью птицы, летящей в воздухе. Едва он вынырнул, стало ясно, что он выиграет этот заплыв.

В дальнем углу я увидела Мари, которая подпрыгивала на месте, желая ему победы и веря в него всей душой. Когда Грэм взошел на пьедестал, я встала и, обойдя трибуны с другой стороны и пройдя через спортивный зал, пошла искать торговый автомат.

Когда я вернулась, опустошив свой кошелек на пятьдесят центов и купив пакетик чипсов «Doritos», я увидела, что, развернувшись лицом к толпе, сидит Оливи с родителями.

Однажды прошлым летом, как раз перед началом учебного года, мы с Оливи слонялись по ее подвалу, и она рассказала мне, что ей кажется, что она, возможно, лесбиянка.

Она сказала, что не уверена. Просто ей казалось, что с ней не все в порядке. Оливи нравились мальчики. Но она стала думать, что ей, возможно, нравятся и девочки.

Я была совершенно уверена, что, кроме меня, об этом никто не знает. И я также была вполне уверена в том, что ее родители стали что-то подозревать. Но это было не мое дело. Моя задача заключалась только в том, чтобы быть ее подругой.

Поэтому я вела себя так, как ведут себя друзья, например, сидела там и часами смотрела музыкальные клипы, ожидая, когда Натали Имбрулья исполнит песню «Топн», чтобы Оливи могла наглядеться на нее. Это был не совсем эгоистичный поступок, поскольку это была моя любимая песня, и я мечтала о том, чтобы остричь волосы и выглядеть точно так же, как Натали Имбрулья.

Мое желание пересматривать каждую неделю «Титаник» тоже не было абсолютно эгоистичным, так как Оливи старалась понять, нравится ли ей смотреть сексуальные сцены с участием Джека и Роуз, поскольку ее привлекали Леонардо Ди Каприо и Кейт Уинслет.

- Привет! - сказала она в тот день в бассейне, заметив меня.

- Привет! - ответила я. Под голубой рубашкой с воротником, кончики которого застегивались на пуговицы, на Оливи была надета белая кофта. Ее длинные прямые черные волосы спадали с плеч. Зная, что ее зовут Оливи Берман, было, возможно, сложно представить, что она - наполовину еврейка и наполовину кореянка, но она одинаково гордилась тем, что семья ее матери приехала из Южной Кореи, и тем, какой потрясающей была церемония бат-мицва, ознаменовавшая ее переход во взрослую жизнь.

- Что ты здесь делаешь? - спросила она меня.

- Мари притащила меня сюда, а потом бросила.

- А, - кивнув, проговорила Оливи. - Настоящая дочь книготорговца. Она приехала посмотреть на Грэма? - Оливи скорчила рожицу, произнося его имя, и я поняла, что она тоже находит Грэма привлекательным.

- Да, - сказала я. - Но... подожди, а ты почему здесь?

Брат Оливи занимался плаванием, пока в прошлом году не окончил среднюю школу. Оливи тоже пыталась, но ей не удалось попасть в девичью команду по плаванию.

- Мой кузен Эли выступает за команду Садбери.

Мама Оливи, отвернувшись от бассейна, посмотрела на меня.

- Привет, Эмма. Иди, садись с нами. - Когда я уселась рядом с Оливи, миссис Берман снова сосредоточилась на соревнованиях.

Эли пришел третьим, и миссис Берман, от расстройства рефлекторно сжав кулаки, покачала головой. Обернувшись, она посмотрела на нас с Оливи.

- Пойду обниму и утешу Эли, а потом, Оливи, мы отправимся домой, - сказала она.

Мне хотелось спросить, не могу ли присоединиться к ним, когда они поедут домой. Оливи жила в пяти минутах ходьбы от меня. Мой дом вклинивался между их домом и выездом на шоссе. Но мне было неловко обращаться к кому-либо с просьбой. Мне было удобнее пойти обходным путем.

- Пожалуй, я пойду поищу Мари, - сказала я. - Узнаю, можем ли мы уехать.

- Мы можем взять тебя с собой, - сказала Оливи. - Правда, мама?

– Конечно, – сказала миссис Берман, вставая и протискиваясь сквозь толпу зрителей. – Не хочешь попрощаться с Эли? Или мы встретимся с вами обеими у машины?

– У машины, – ответила Оливи. – Впрочем, передай от меня ему привет.

Оливи запустила руку прямо в мой пакет с чипсами и вытащила несколько ломтиков.

– Отлично, – сказала она, как только ее мама отошла достаточно далеко для того, чтобы нас слышать. – Ты видела девушку с другой стороны бассейна, которая разговаривала с парнем в красных плавках?

– А?

– Девушку с конским хвостом. Она разговаривала с кем-то из команды Эли. Честно говоря, мне показалось, что она – самая классная девчонка в мире, каких никогда не бывало. Мне кажется, я таких не встречала целую вечность.

Я оглядела бассейн, выискивая девушку с конским хвостом, и никого не заметила.

– Где она? – спросила я.

– Смотри, она сейчас стоит у бортика, – сказала Оливи, указывая на нее. – Прямо вон там, рядом с Джессом Лернером.

– С кем? – сказала я, следя за пальцем Оливи и переводя взгляд на бортик. И я действительно увидела красивую девушку с конским хвостом. Но мне было все равно.

Потому что я также увидела рядом с ней высокого, худого, мускулистого парня.

У него были глубоко посаженные глаза, угловатое лицо, пухлые губы. Короткие светло-каштановые волосы были спутаны и взъерошены на макушке, поскольку он только что стянул с головы купальную шапочку. Судя по спортивной форме, он был из нашей школы.

- Ты видишь ее? - спросила Оливи.

- Да, - ответила я. - Она красивая. Но парень, с которым эта девушка разговаривает... Как ты сказала его зовут?

- Кого? - спросила Оливи. - Джесса Лернера?

- Да. Кто этот Джесс Лернер?

- Как же ты не знаешь, кто такой Джесс Лернер?

Я обернулась и взглянула на Оливи.

- Не знаю. Просто не знаю. Кто он?

- Он живет на нашей улице, за домом Хьюзов.

Снова переведя взгляд на Джесса, я наблюдала, как он подбирает с пола защитные очки. - Он из нашего потока?

- Да.

Оливи продолжала говорить, но я уже перестала обращать на нее внимание. Вместо этого я смотрела на Джесса, который вместе с другими членами своей команды направился в раздевалку. Рядом с ним шел Грэм, на секунду положив ему руку на плечо, он опередил его, заняв место в медленно продвигавшейся очереди. Я не могла оторвать глаз от того, как двигался Джесс, так уверенно переставлявший одну ногу за другой. Он был моложе других пловцов - новичок в спортивной команде, и все же он чувствовал себя как дома, стоя на виду у всех в узеньких плавках.

- Эмма, - сказала Оливи. - Что ты уставилась на него?

Сразу после ее слов Джесс слегка повернул голову, и его взгляд на какой-то миг остановился прямо на мне, отчего у меня захватило дух. Я непроизвольно отвернулась в сторону.

– Что ты сказала? – спросила я Оливи, стараясь притвориться, что меня интересует то, о чем она говорит.

– Я сказала, что ты уставилась на него.

– Нет, не уставилась, – ответила я.

Именно в этот момент к нашей трибуне вернулась миссис Берман.

– Я думала, что вы ждете меня у машины, – сказала она.

– Прости! – сказала Оливи, вскакивая на ноги. – Мы идем.

– Извините, миссис Берман, – проговорила я, идя следом за ними позади трибун и выходя через дверь.

Прежде чем выйти, я замешкалась и в последний раз посмотрела на Джесса. Я заметила, как сверкнула его улыбка. Она была широкой и яркой, открытой и искренней. Все его лицо светилось.

Я подумала, как было бы приятно, если бы его улыбка была адресована мне, как замечательно быть причиной такой улыбки, и внезапно мое новое увлечение Джессом Лернером превратилось в огромный воздушный шар, который был таким большим, что мог бы поднять нас обоих в воздух, если бы мы ухватились за него.

На следующей неделе в школе я почти каждый день видела Джесса в коридоре. Теперь, когда я знала, кто он, Джесс попадался мне повсюду.

– Это феномен Баадера-Майнхофа, – сказала Оливи, когда я упомянула об этом за ленчем. – Мой брат недавно рассказал мне о нем. Ты не замечаешь чего-то, а потом узнаешь, как это называется, и внезапно видишь это повсюду. – На секунду Оливи задумалась. – Постой-ка. Я почти уверена, что у меня феномен Баадера-Майнхофа в связи с феноменом Баадера-Майнхофа.

- Ты тоже видишь Джесса повсюду? - спросила я, совершенно не понимая сути. Чуть раньше в тот же день, выходя с урока испанского языка, я прошла прямо мимо него. Он разговаривал с Кэролайн Бин, стоя рядом с ее шкафчиком. Она была капитаном девичьей футбольной команды. Ее светлые волосы всегда были стянуты в пучок и прихвачены ободком. Я никогда не видела ее без блеска для губ. Если Джессу нравились девушки подобного типа, мне не на что было рассчитывать.

- Я вижу его не чаще, чем обычно, - сказала Оливи. - Но я всегда вижу его где-нибудь поблизости. Мы вместе ходим на алгебру.

- Ты дружишь с ним? - спросила я.

- Не то чтобы дружу, - ответила Оливи. - Но он - приятный парень. Тебе нужно просто сказать ему «привет».

- Это безумие. Я не могу этого сделать.

- Уверена, что можешь.

Покачав головой, я отвернулась от нее.

- Ты шутишь.

- Это ты шутишь. Он учится в нашем классе. Он - не Киану Ривз.

Я подумала, что, если бы я только могла поговорить с Джессом Лернером, плевать мне было бы на Киану Ривза.

- Я не могу представиться ему сама, это глупо, - сказала я, а потом забрала поднос и направилась к мусорной урне. Оливи последовала за мной.

- Прекрасно, - сказала она. - Но он правда хороший парень.

- Не говори так! - сказала я. - Это еще хуже.

– Ты хочешь сказать, что он неприятный?

– Не знаю! – ответила я. – Я не понимаю, что я хочу сказать.

– Ты как будто раздражена, – с удивлением произнесла Оливи.

– Я знаю, пусть, – сказала я. – Уф, просто... пойдём. Я куплю пачку печенья.

В ту пору пачки печенья за семьдесят пять центов было достаточно для того, чтобы избавиться от раздражения. И так, пока мы шли к прилавку, я, засунув руку в карман, пересчитывала оставшуюся мелочь.

– У меня ровно пятьдесят, – сказала я, вставая в очередь вслед за Оливи. – На двоих нам хватит. – Подняв голову, я увидела, что Оливи смотрит куда-то широко раскрытыми глазами.

– Что?

Взглядом она показала, чтобы я посмотрела вперед.

Прямо перед нами стоял Джесс Лернер. Он был одет в темные джинсы и майку с изображением рок-группы «Smashing Pumpkins», на ногах у него были черные кроссовки фирмы «Converse One Stars».

И он держал за руку Кэролайн Бин.

Оливи взглянула на меня, пытаюсь оценить мою реакцию. А я посмотрела вдаль, стараясь сделать вид, что меня это совершенно не волнует.

А потом я увидела, как Кэролайн Бин выдергивает руку из ладони Джесса, залезает в карман, вынимает оттуда тюбик бальзама для губ и мажется.

Мало того, что они держались за руки, она еще имела наглость выдернуть свою руку.

Я возненавидела Кэролайн, ее дурацкий футбол, ее ободок, ее смелость, позволившую ей намазаться-цветочным-бальзамом-для-губ-марки-«Dr.-Pepper».

Если бы только он захотел когда-нибудь взять меня за руку, я никогда, никогда не выдержала бы своей руки.

- Пойдем отсюда, - сказала я Оливи.

- Да, - ответила она. - Лучше мы купим что-нибудь в автомате.

Я направилась прочь, угнетенная и томящаяся от любви, направляясь к автомату в музыкальной комнате.

Купив два «Сникерса» и вручив один из них Оливи, я начала жевать свой, словно только так я могла заполнить пустоту в своем сердце.

- С ним покончено, - сказала я. - Абсолютно дурацкое увлечение. Но все в прошлом. Все кончено. Seriously.

- Хорошо, - посмеиваясь, проговорила Оливи.

- Нет, правда, - продолжала я. - Совершенно кончено.

- Конечно, - сказала Оливи, насупив брови и поджав губы.

А потом я услышала голос у себя за спиной.

- Эмма?

Обернувшись, я увидела Сэма, выходящего из оркестровой.

- Ой, привет, - сказала я.

- Я не знал, что ты обедаешь в это время.

Я кивнула.

- Да.

Волосы у него были слегка взъерошены, он был одет в зеленую майку с надписью «Bom Dia!»[З - Bom Dia (порт.) – доброго дня, всего хорошего.].

- Итак, кажется, мы впервые будем работать в одну смену, – сказал он. – Я имею в виду завтра, в магазине.

- О, – сказала я. – Да. Во вторник Мари без спроса позаимствовала мой CD-диск с записями Фионы Эппл, за что я назвала ее «полной кретинкой», что дошло до ушей моих родителей. В качестве наказания я должна была отработать в магазине в пятницу. В нашей семье вместо того, чтобы запереть дома или лишить привилегий, ты искупаешь свою вину, работая еще больше. Дополнительными сменами в магазине родители убивают двух зайцев – заставляют нас учить уроки и получают бесплатную рабочую силу. Мое назначение на пятничный вечер означает, в частности, что я не смогу тусоваться с Оливи, а они смогут провести вечер вдвоем и сходить в кино.

- Завтра? – спросила Оливи. – Я думала, мы пойдем ко мне после школы.

- Извини, – сказала я. – Забыла. Мне придется работать.

Мы услышали звонок, который сообщал нам о том, что пришло время заняться географией.

- Ах, – сказала Оливи. – Мне нужно идти. Я забыла книгу в шкафчике.

Оливи не стала дожидаться меня, она даже не предложила этого. Не существовало ничего, что могло бы заставить ее куда-либо опоздать.

- Мне тоже нужно идти, – сказала я Сэму, который, видимо, никуда не торопился. – У нас контрольная по географии.

- О, конечно, не стану тебя задерживать, – сказал Сэм. – Просто я хотел узнать, не хочешь ли ты прокатиться. Завтра, после школы. До магазина.

Я, смутившись, посмотрела на него. То есть меня не смутило то, что он говорил. Мне было понятно его естественное желание посадить меня в машину и довезти от школы до магазина. Но меня удивило то, что он предложил мне это, что даже подумал о том, чтобы предложить.

- Я как раз получил права, а по наследству от брата мне досталась «Camry», - сказал Сэм. Создавалось впечатление, что в средней школе всем по наследству переходили машины «Camry» или «Corolla». - То есть я просто подумал... Он заглянул мне в глаза, а потом отвернулся. - То есть тебе не придется ехать на автобусе, вот и все.

Он был таким странным. И мы были едва знакомы.

- Конечно, - сказала я, - это было бы замечательно.

- Встретимся на парковке после уроков? - спросил он.

- Отлично. Спасибо. Это правда круто.

- Не стоит благодарности, - сказал Сэм. - До завтра.

Когда я шла к двустворчатым дверям в конце холла, направляясь на урок, мне пришло в голову, что, возможно, пришло время просто подружиться с теми, с кем мне хотелось бы, чтобы не стараться изо всех сил отказываться от всего, что нравится Мари.

Возможно, настал момент просто... стать самой собой.

На следующий день я надела в школу красный вязаный свитер и прямые слаксы, помня о требовании родителей никогда не надевать для работы в магазине джинсы. А потом, через десять минут после последнего звонка, я увидела на школьной парковке Сэма, который ждал меня, прислонясь к капоту своей машины.

- Привет, - сказала я, подходя ближе.

– Привет. – Обойдя машину, он открыл передо мной дверцу. Прежде никто никогда не открывал перед мной дверь машины, кроме моего отца, и даже тогда это было обычной шуткой.

– О, – сказала я, снимая рюкзак и кладя его на переднее сиденье. – Спасибо.

На секунду Сэм как будто удивился, словно не понимая, за что я благодарю его.

– За то, что я открыл дверь? Добро пожаловать.

Я села, опустившись на пассажирское сиденье, а Сэм вернулся на свою сторону. Он нервно улыбнулся мне, садясь в машину, и включил зажигание. А потом колонки вдруг взорвались от джазовой музыки.

– Извини, – сказал он. – Иногда по утрам мне правда нужно взбодриться.

Я рассмеялась:

– Ужасно круто.

Он приглушил музыку, но не выключил ее совсем, и я слушала, как она тихо заполняет пространство салона. Сэм сдал назад, и его тело качнулось в мою сторону, при этом его рука задержалась на спинке моего сиденья, но потом вернулась на свое место.

В машине был полный беспорядок. У моих ног валялись газеты, по приборной панели были разбросаны обертки от жевательной резинки и медиаторы для гитары. Взглянув на заднее сиденье, я увидела гитару, губную гармонику и два черных футляра для музыкальных инструментов.

Я повернулась и посмотрела вперед.

– Кто это? – спросила, показывая на стерео.

Сэм смотрел на плотный поток машин слева от него, ожидая возможности свернуть на дорогу.

– Мингус, – ответил он, не глядя на меня.

Появился небольшой просвет, это был шанс вклиниться в общий поток. Сэм осторожно двинулся вперед и быстро повернул, элегантно присоединившись к нескончаемой веренице машин. Ослабив внимание, он снова повернулся ко мне.

– Чарльз Мингус, – расширил он свой предыдущий ответ. – Ты любишь джаз?

– По правде сказать, я не слушаю его, – проговорила я. – Поэтому не знаю.

– Тогда все нормально, – сказал Сэм, добавляя громкости. – Мы послушаем, и ты узнаешь.

Я кивнула и улыбнулась, показывая свою готовность. Проблема заключалась только в том, что через три секунды я поняла, что Чарльз Мингус – не для меня, и не знала, как вежливо попросить Сэма выключить музыку. Итак, я промолчала.

Когда мы вошли в магазин, отец сидел за кассой. Когда он увидел меня, его лицо просветлело.

– Привет, дорогая, – сказал он, сосредоточив свое внимание на мне, а потом на секунду повернулся к Сэму: – Привет, Сэм.

– Привет, папа, – сказала я в ответ. Мне не нравилось, когда отец называл меня «дорогая» в присутствии учеников из нашей школы. Но ворчать было бы еще хуже, поэтому я выбросила это из головы.

Сэм направился прямо в заднюю часть магазина.

– Я зайду в туалет, а потом, мистер Блэр, я вернусь и подменю вас.

Папа показал жестом, что не возражает, а затем повернулся ко мне.

– Расскажи мне, как ты провела день, – сказал он, пока я убирала свой рюкзак под кассу. – Начни с самого начала.

Оглядевшись, я увидела одного-единственного покупателя – пожилого человека, читающего биографию какого-то военного. Он притворялся, что внимательно изучает ее, но производил впечатление явно обеспокоенного человека. Я не слишком надеялась, что он послушает палец, чтобы перевернуть страницу или отыщет любимую главу.

– Разве ты не собирался вывести маму в свет? – спросила я.

– Как ты думаешь, сколько мне лет? – спросил он, поглядывая на часы. – Еще нет и четырех часов. Ты думаешь, что я поведу твою маму в ресторан по льготной цене?

– Не знаю, – сказала я, пожимая плечами. – Вы сегодня оба работали днем, значит, могли бы вместе сходить в кино.

– Мы работали сегодня потому, что ты нагрубила своей сестре, – сказал отец. Он говорил без всяких эмоций, в его голосе не было никакого осуждения. На самом деле мои родители не были злопамятными. Их наказания и недовольство были формальностью. Казалось, они следовали правилам, установленным для них кем-то другим. Если ты делаешь то-то, то мы должны сделать то-то. Пусть каждый из нас выполняет свои обязанности, и покончим с этим.

Все изменилось несколько лет спустя, когда я позвонила им среди ночи и попросила забрать меня из полицейского участка. Внезапно это перестало быть еще одним маленьким испытанием. В ту ночь я действительно разочаровала их. Но в те времена ставки были невысоки, а дисциплина была почти игрой.

– Я знаю, что вы с Мари – не лучшие подруги, – сказал папа, прибирая стопку книжных закладок, лежавшую рядом с кассой. Когда в шестидесятых годах открылся магазин, мой двоюродный дедушка, основавший его, заказал очень эффектные закладки с изображением земного шара и летящего вокруг него аэроплана. На них было написано «Путешествуй по миру, читая книгу». Отцу они так нравились, что он отказался от мысли обновлять их. Он снова и снова заказывал в типографии точно такие же.

Когда бы я ни брала одну из них в руки, меня поражало, с какой полнотой они символизируют то, что меня возмущало в этом книжном магазине.

Я собиралась путешествовать по миру, путешествуя по-настоящему.

– Но когда-нибудь, скорее, чем ты думаешь, вы обе поймете, как сильно нуждаетесь друг в друге, – продолжил папа.

Взрослые любят говорить подросткам «когда-нибудь» и «рано или поздно», подразумевая разные события, которые должны произойти. Им нравится говорить, что все произойдет «раньше, чем ты это осознаешь», и им действительно нравится делиться с ними мыслью о том, как «быстро бежит» время.

Позже я пойму, что почти все, что говорили мои родители по этому поводу, окажется правдой. Время в колледже действительно «пробежало». «Рано или поздно» я изменила свое мнение насчет Киану Ривза. Я перешагнула тридцатилетний рубеж «раньше, чем осознала» это. И, именно так, как говорил в тот день мой отец, «наступил день», когда я стала очень-очень нуждаться в своей сестре.

Но тогда я не обратила на это внимания точно так же, как все подростки нашей страны не обращали внимания на то, что в ту самую минуту говорили им их родители.

– Мы с Мари не станем подругами. Никогда. И я хочу, чтобы вы, ребята, расслабились на этот счет.

Отец слушал, медленно кивая головой, а потом сосредоточенно посмотрел вдаль вместо того, чтобы прибрать очередную стопку закладок. Затем он повернулся ко мне.

– Я объясняю тебе четко и ясно, – сказал он. Отец всегда говорил так, когда принимал решение больше не говорить о чем бы то ни было.

Из подсобки вышел Сэм и присоединился к нам у кассы. Покупатель, читавший биографию, подошел к прилавку с книгой в руке и попросил нас отложить ее для него. Без сомнения, он мог вернуться и прочитать завтра тот же экземпляр, словно приобрел эту книгу. Отец вел себя так, как будто был очень рад этому. Он был любезен с незнакомцами.

Сразу после того как мужчина ушел, из своего кабинета, расположенного в задней части магазина, появилась мама. К сожалению, папа не заметил ее.

– Я должен известить твою мать, что пора идти, – сказал он. Я попыталась остановить его, но он медленно повернул голову и пронзительно завопил: «Эшли, Эмма и Сэм здесь!»

– Иисусе Христе, Колин, – сказала мама, зажимая руками уши. – Я здесь.

– Ох, извини. – Он сморщил лицо, показывая, что ошибался, а потом осторожно прикоснулся к ее уху. Именно такие жесты, мелкие проявления их близости, наводили меня на мысль о том, что родители, вероятно, все еще занимаются сексом. Это вызывало у меня одновременно отвращение и умиротворение.

Казалось, что родители Оливи все время были на грани развода. Несколько лет назад Дебби, подруга Мари, практически жила в нашем доме целых два месяца, когда ее родители улаживали споры в связи с разводом. Итак, я была достаточно умна для того, чтобы понимать, как мне повезло потому, что мои родители по-прежнему любят друг друга.

– Отлично, ладно, поскольку вы оба здесь, мы уходим, – сказала мама, направляясь в подсобку, чтобы забрать свои вещи.

– Я думала, что вы никуда не пойдете, пока не стемнеет, – сказала я отцу.

– Да, но зачем нам толкаться здесь, когда наша дочь пришла и готова работать? – сказал он. – Если мы поспешим, то сможем вернуться домой и устроить себе танцевальную сиесту.

– Что значит «устроить танцевальную сиесту»? – спросил Сэм.

– Не спрашивай, Сэм, это ловушка, – сказала я.

Сэм засмеялся. На самом деле, мне никогда не удавалось кого-нибудь рассмешить. Я не была такой веселой, как Оливи. Но вдруг рядом с Сэмом мне показалось, что я на это способна.

– Устроить танцевальную сиесту, дорогой Самьюэл, значит, вздремнуть перед тем, как отправиться на вечеринку. Видишь ли, в семидесятих годах...

Я заблаговременно отошла в сторону и начала перекладывать книги на столике у окна, где лежали бестселлеры. Мари любила украдкой подкладывать сюда книги, которые ей нравились, ставя на видное место своих самых любимых авторов. Меня же главным образом интересовало, чтобы книги лежали ровными стопками. Мне не нравилось, когда они стояли наперекосяк.

Я вскинула голову, только когда Сэм, выслушав историю о том, как отец стал победителем музыкального конкурса диско в Бостоне, рассмеялся в ответ и сказал:

– Простите, но это не слишком интересная история.

Вскинув голову, я, пораженная, взглянула прямо на Сэма.

Папа засмеялся и покачал головой:

– Знаешь, что я делал, когда был в твоём возрасте, а взрослые рассказывали мне неинтересные истории?

– Запоминал их, чтобы теперь донимать ими нас? – внезапно сказала я.

Сэм снова засмеялся. Отец вместо того, чтобы притвориться обиженным, весело хмыкнул.

– Не обращайтесь внимания. Вы оба останетесь здесь и поработаете, пока я буду развлекаться.

Мы с Сэмом переглянулись.

– Ага! Кто смеется последним? – спросил папа.

Вышла мама, держа в руках свои вещи, и через несколько минут родители покинули нас. Выйдя через дверь, они направились к машине, собираясь на танцевальную сиесту. Я вдруг удивилась, что они оставили нас с Сэмом вдвоем.

Оставить вечером магазин на двоих семнадцатилетних подростков? Внезапно я ощутила себя взрослой, словно я должна была пройти испытание, взвалив на себя по-настоящему большую ответственность.

А потом появилась помощница управляющего Маргарет, и я поняла, что родители позвали ее присмотреть за нами.

– Я буду в подсобке, составлю график на следующую неделю, – едва успев войти, сказала Маргарет. – Если вам что-нибудь понадобится, крикните.

Я посмотрела на Сэма, который стоял у кассы, опершись локтем о прилавок.

Отправившись в биографический отдел, я и там начала приводить в порядок полки. В магазине стояла мертвая тишина. Казалось нелепым, что один человек находится в передней части, а другой – в задней. Но я понимала, что я здесь потому, что наказана, а Сэм – потому, что мои родители наняли его на неполный рабочий день.

Я решила сесть на пол и полистать путеводители «Fodor's», если никто больше не придет.

– Итак, что ты думаешь о Чарльзе Мингусе? – спросил Сэм. Я удивилась, увидев, что он отошел от кассы и теперь находился на расстоянии всего нескольких проходов от меня, пополняя полки с журналами.

– О, – сказала я, – уф... очень круто.

Сэм засмеялся.

– Ты врешь, – сказал он. – Тебе он совсем не понравился.

Я повернулась и посмотрела на него, со смущением признавая справедливость его слов.

– Извини, – сказала я. – Да. Мне он совсем не понравился.

Сэм покачал головой.

- Абсолютно точно. Теперь ты это знаешь.

- Да, если кто-нибудь спросит меня, нравится ли мне джаз, я смогу сказать, что нет.

- Ну, ты еще можешь полюбить джаз, - предположил Сэм. - То, что тебе не нравится Мингус, еще не означает... Увидев выражение моего лица, он умолк. - Ты уже готова списать джаз со счета?

- Может быть, - сконфузившись, произнесла я. - Не думаю, что он мне по вкусу.

Сэм схватился за грудь, как будто я ранила его в самое сердце.

- Ну, давай, - сказала я. - Я уверена, что существует куча вещей, которые нравятся мне и не нравятся тебе.

- Испытай меня, - предложил он.

- «Ромео и Джульетта», - уверенно проговорила я. Было проверено, что в школе это служит окончательной линией раздела между мальчиками и девочками.

Сэм оглянулся на стоявшие рядом с ним журналы.

- Пьеса? - спросил он.

- Фильм! - поправила я его.

Он покачал головой, словно не понимая, о чем я говорю.

- Ты никогда не видел фильм «Ромео и Джульетта» с Леонардо Ди Каприо? - Я была не в курсе, что существуют другие версии этого фильма, но в те времена меня интересовал не Ромео, а Лео. Не Джульетта, а Клэр Дейнс.

- По правде сказать, я не видел многих новых фильмов, - сказал Сэм.

В магазин заглянули мать с сыном и направились прямо к отделу детских книг. – У вас есть Плюшевый кролик[4 - Плюшевый кролик (The Velveteen Rabbit) – детская повесть Уильямса Марджори.]? – осведомилась мамаша.

Сэм кивнул и пошел вместе с ней к стопкам книг в дальнем конце магазина.

Я направилась к кассе. Когда они вернулись, я была готова пробить чек, держа в руках зеленый полиэтиленовый пакет и закладку с надписью «Путешествуй по миру, читая книгу». Когда они вышли из магазина, я повернулась к Сэму. Он стоял сбоку, прислонясь к столу, и бездельничал.

– Что же ты любишь делать? – спросила я. – Я имею в виду, если ты не смотришь фильмы.

Сэм задумался.

– Ну, мне приходится много учиться, – сказал он. – И, кроме того, поскольку я работаю здесь, играю в ансамбле марширующих музыкантов, в оркестре и джаз-банде... то у меня не так много времени.

Я посмотрела на него. Я все меньше и меньше думала о том, считает ли Мари его крутым, и все больше и больше о том, считаю ли я его таким.

– Можно тебя кое о чем спросить? – сказала я, отойдя от стопок книг, стоявших передо мной, и подойдя к нему.

– Думаю, обычно беседа именно так и протекает, конечно, – улыбаясь ответил Сэм.

Я засмеялась:

– Почему ты здесь работаешь?

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что если ты так занят, зачем ты тратишь так много времени, работая в книжном магазине?

- О, - задумчиво произнес Сэм. - Знаешь, мне нужно получить водительские права, и я хочу купить сотовый телефон, что, по словам моих родителей, прекрасно в том случае, если я сам заплачу за это.

Это я понимала. Почти все работали после школы, за исключением парней, которые летом работали спасателями на водах и которым в конечном счете каким-то образом удавалось достаточно заработать на целый год.

- Но почему здесь? Ты мог бы работать в магазине компакт-дисков, что дальше по шоссе. Или, например, в музыкальном магазине на Главной улице.

Сэм задумался.

- Не знаю. Я думал, не поработать ли мне там тоже. Но я... мне захотелось работать именно в таком месте, где ничто не напоминает о музыке, - сказал он.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, что играю на шести музыкальных инструментах. Я должен беспрестанно практиковаться. Каждый день я не менее часа играю на пианино. Поэтому приятно просто находиться там, где можно забыть о струнах и музыкальном темпе, и... - Казалось, на секунду он затерялся в своем собственном мире, но потом очнулся. - Просто мне нужно заняться чем-то совершенно другим.

Я не могла представить себя на его месте, когда ты так чем-то увлечен, что тебе на самом деле нужна передышка. У меня не было никакого особого хобби. Я только знала, что семейное увлечение меня не интересует. У меня не было страсти к книгам.

- На каких инструментах ты играешь? - спросила я Сэма.

- Гм?

- На каких шести инструментах ты играешь?

- О, - произнес он.

В магазин зашли три девушки из нашей школы. Я не знала их имен, но видела в холле. Они были старшеклассницами, я была в этом почти уверена. Девушки смеялись и подшучивали друг над другом, не обращая никакого внимания ни на Сэма, ни на меня. Самая высокая из них двинулась в направлении полок с новинками художественной литературы, тогда как две другие слонялись у отдела уцененных книг, они брали в руки книги и смеялись, рассматривая их.

- Фортепиано, - сказал Сэм. - Это был мой первый инструмент. Я начал заниматься во втором классе. А потом, дай-ка вспомнить... - Он выставил вперед большой палец, начав считать, выставляя очередной палец, называя новый инструмент. - Гитара - электрическая и акустическая, но я считаю их за один инструмент, еще бас-гитара - тоже электрическая и акустическая, думаю, это тоже можно посчитать за один инструмент, хотя они совершенно разные.

- То есть всего пять инструментов, а ты на самом деле назвал только три.

Сэм засмеялся.

- Верно. А еще я немного играю на барабанах. Это мое самое слабое место. Я занимаюсь этим просто по-любительски, но я совершенствуюсь. Потом труба и тромбон. Совсем недавно я также купил губную гармонику, просто для того, чтобы посмотреть, как быстро освою ее. Пока все идет хорошо.

- Значит, семь, - сказала я.

- Да, но я не считаю гармонику, по крайней мере, пока.

В этот момент мне захотелось, чтобы мои родители купили мне инструмент. Но теперь, видимо, было слишком поздно. Как легко говорить себе, что слишком поздно. Я начала делать это в четырнадцать лет.

- Это все равно что учить иностранные языки? - спросила я его. - Оливи выросла в семье, говорящей на английском и корейском языках, и теперь ей легко даются другие иностранные языки.

Сэм размышлял.

– Да, безусловно. В детстве я немного говорил на португальском языке. И на уроках испанского я интуитивно понимал некоторые слова. То же самое происходит, когда ты играешь на гитаре, а потом учишься играть на бас-гитаре. В конечном счете что-то частично совпадает.

– Почему ты говорил по-португальски? – спросила я. – То есть твои родители из Португалии?

– Моя мама – бразильянка во втором поколении, – сказал он. – Но я никогда не говорил бегло или еще как-нибудь. Так, отдельные слова.

Высокая девушка направилась к кассе, поэтому я отложила книгу, которую держала в руке, и положила ее на прилавок.

Она хотела купить роман Даниэлы Стил. Когда я пробила чек, она сказала:

– Это для моей мамы. Ко дню рождения.

Как будто я осуждала ее. Но я была больше обеспокоена тем, что все кругом осуждают меня.

– Готова поспорить, что он ей понравится, – сказала я. Я назвала сумму, и она вынула кредитку и протянула ее мне.

Линдсей Бин.

Внезапно сходство стало совершенно очевидным. Она выглядела так же, как Кэролайн, только была постарше и постройнее. Я положила книгу в пакет и вручила ее девушке. Надзирающий за мной Сэм указал на закладки, напоминая мне о них.

– О, подождите, – сказала я. – Вам нужна закладка. – Взяв одну, я сунула ее в пакет.

– Спасибо, – сказала Линдсей. Я подумала, ладит ли она с Кэролайн, что представляют из себя сестры Бин. Может быть, они любят друг друга, любят бывать вместе, тусоваться. Может быть, когда Линдсей берет Кэролайн в пассаж, чтобы купить джинсы, она не бросает ее в магазине.

Я понимала, что глупо полагать, что Кэролайн живется лучше, чем мне, только оттого, что вчера в очереди за пачкой печенья она держала за руку Джесса Лернера. Но вместе с тем я понимала, ей жилось лучше, чем мне, просто оттого, что она держала Джесса за руку, стоя в очереди за пачкой печенья.

Между тем стало смеркаться. Включились фары автомобилей. В вечерние часы, чтобы осветить витрину, часто было достаточно ближнего света внедорожника.

Именно это произошло в тот момент, когда Линдсей с подругами выходила из магазина. Огромный внедорожник цвета шампанского остановился и припарковался прямо перед магазином, его огни светили прямо на меня. Когда водитель заглушил мотор, я смогла увидеть, кто это был.

На переднем пассажирском сиденье в машине сидел Джесс Лернер. За рулем сидел мужчина, вероятнее всего, его отец.

Открылась задняя дверь и из нее высунулась Кэролайн Бин.

Джесс поднялся со своего места и на прощание обнял Кэролайн, а потом та пересела в машину сестры, где находились две ее подруги.

Затем Джесс запрыгнул обратно в отцовскую машину, на секунду бросив взгляд на наш магазин. Не могу сказать, видел ли он меня. Сомневаюсь, что он действительно смотрел так, как я смотрела на него.

Но я не могла отвести от Джесса глаз. Я провожала его взглядом даже тогда, когда машина Кэролайн и Линдсей тронулась с места, даже тогда, когда отец Джесса снова включил фары и, развернувшись в три приема, покинул парковку.

Возвращаясь к своим занятиям, я испытывала что-то вроде боли. Как будто Джесс Лернер предназначался мне, а я была вынуждена с изумлением наблюдать за такой вопиющей несправедливостью.

Моя рука наткнулась на стопку закладок, приведя ее в полный беспорядок. Я сама собрала их и положила на место.

– Я вот подумал, – начал Сэм.

– Да?

– Может быть, ты захочешь как-нибудь вместе со мной сходить с кино?

Повернувшись, я с удивлением посмотрела на него.

В этот момент меня захлестнули чувства. Джесс с Кэролайн, свет фар, бьющий в глаза, и то, что кто-то в самом деле, кажется, назначает мне свидание.

Мне следовало сказать «Разумеется» или «Безусловно». Но вместо это я произнесла:

– Ох. Уф...

И больше ничего.

– Ничего страшного, – сказал Сэм, явно доведенный до отчаяния моей ужасной неловкостью. – Я понял.

И вот так совершенно неожиданно я включила Сэма Кемпера в круг своих друзей.

Через два с половиной года Сэм окончил школу.

Я большую часть своего предпоследнего года в средней школе пыталась добиться того, чтобы Сэм снова пригласил меня на свидание. Я шутила насчет того, что мне нечего делать в субботние вечера, и смутно намекала на то, что мы можем потусоваться за пределами магазина, но он не понимал меня, а я была слишком трусливой для того, чтобы прямо спросить его. Поэтому оставила эту затею.

И с тех пор мы с Сэмом стали лучшими друзьями.

Поэтому мы с мамой и папой пошли поддержать его, когда в самый зной он сидел на улице в шапочке и мантии выпускника.

Мари еще не вернулась на лето домой из университета в Нью-Гемпшире. Она специализировалась на английском языке, тратя свободное от учебы время на то, что предлагала литературным журналам короткие рассказы. Пока у нее не взяли ни одного, но все были уверены, что скоро ее где-нибудь опубликуют. Грэм уехал учиться вместе с ней в Нью-Гемпширский университет, но два месяца спустя она порвала с ним. Теперь Мари встречалась с каким-то Майком, родители которого владели сетью спортивных магазинов. Она часто шутила, что если они поженятся, то объединят семейный бизнес.

– Понимаешь? Мы будем продавать книги и спортивное оборудование в одном и том же магазине, – разъясняла она.

Как я сказала Оливи, у Мари в запасе всегда была уйма вещей, от которых меня тошнило. Но, видимо, никого из тех, кто был рядом с ней, не считая меня, не тошнило, и поэтому летом родители назначили ее на должность помощницы управляющего.

Маргарет как раз недавно уволилась, и Мари застолбила ее место. Я была удивлена, когда мама довольно сдержанно отнеслась к этой идее.

– Ей следовало бы прекратить валять дурака в колледже, – сказала она, – прежде чем возвращаться сюда и брать на себя такую ответственность.

Но отца эта идея так взволновала, что даже я примирилась с ней. Он сделал для нее бейджик, на котором были указаны ее имя и должность, хотя ни у кого из нас бейджика не было. И сказал маме, что для него нет большего счастья, чем провести лето в магазине с обеими дочерьми.

Видя, как он улыбается и как блестят его глаза, я убедила себя быть с Мари полюбезнее. Но она еще даже не приехала домой, а я уже была не уверена, что сдержу свое обещание.

Меня не привлекала мысль провести лето в магазине. Месяцем раньше Сэм предупредил о своем уходе и отработал последний день. Вместо того чтобы остаться в городе, он на несколько недель уехал в Бостон на стажировку по музыкальной психотерапии. А потом осенью начал учебу в музыкальном колледже Беркли.

Это было его заветное желание, и когда он поступил, я поздравила его, заключив в объятия. А потом тут же стала поддразнивать его из-за того, что он решил остаться так близко к дому. Но я не совсем шутила. Я правда не могла понять того, что он предпочел жить там, где провел всю свою жизнь. Я подумывала о Лос-Анджелесском университете. Мне прислали буклет по электронной почте, и я с удовольствием размышляла о том, что стану учиться там, где постоянно светит солнце.

Когда в тот день на переоборудованном футбольном поле зазвучало имя Сэма, мои родители спорили о том, стоит ли перекрасить наш задний дворик. Мне пришлось ткнуть папу локтем в бок, чтобы привлечь его внимание.

– Ребята, – сказала я. – Вызывают Сэма.

– Самьюэл Маркос Кемпер, – объявил директор школы.

Мы втроем встали и начали аплодировать ему вместе с его родителями, сидевшими в толпе с противоположной стороны.

Когда Сэм сел, я быстро переглянулась с ним, увидев, как его лицо расплывается в улыбке.

* * *

Спустя четыре часа мы с Оливи стояли на кухне в доме Билли Йена, наполняя красные одноразовые стаканы на вид ничем не примечательным пивом из холодной как лед металлической банки.

Мне было почти семнадцать лет, и я уже целовалась с двумя парнями и целый месяц встречалась с Робби Тиммером, позволив ему заниматься со мной оральным сексом. Можно с уверенностью сказать, что я собиралась расстаться с

девственностью, как только подвернется удобный момент, и надеялась, что он рано или поздно наступит.

Оливи, со своей стороны, призналась родителям в своей бисексуальности и привела их в замешательство, начав встречаться с Мэттом Дженингсом. Оливи терпеливо объяснила родителям, что бисексуальность – это не лесбиянство, это бисексуальность. И хотя они, как ей показалось, поняли, они снова пришли в замешательство, когда после расставания с Мэттом Оливи начала встречаться с девушкой, вместе с которой после уроков работала в аптеке. Они знали, кто такие геи, и все понимали правильно, но они не понимали Оливи.

– Ты видишь, кто здесь? – спросила Оливи. Сделав глоток пива, она состроила рожицу. – По правде говоря, на вкус, как вода.

– Кто? – спросила я. Отпив из своего стакана, я согласилась с тем, что Оливи права. Вкус был, как у воды.

– Д-Ж-Е-С-С, – сказала Оливи.

– Он здесь? – спросила я.

Оливи кивнула:

– Я уже видела его у бассейна.

Мы с Оливи, когда услышали о вечеринке, не знали, что в доме есть бассейн и все будут бегать вокруг него в бикини и плавках, сбрасывая друг друга и резвясь, как дети. Но даже если бы мы знали об этом, то все равно пришли бы и все равно не надели бы купальники.

Я потягивала алкоголь, а потом решила просто допить пиво, сделав несколько больших глотков, после чего снова наполнила стакан.

– Ладно, все нормально, – сказала я. – Давай просто обойдем вокруг и посмотрим, где он.

В этом году после весенних каникул Джесс и Кэролайн расстались. Было не так уж глупо предполагать, что Джесс заметит меня.

Если не считать, что это было глупо. Это было совершенно абсурдно.

Джесс теперь был капитаном команды по плаванию, благодаря которому наша школа становилась победителем в трех сезонах подряд. В местной газете о нем напечатали статью под названием «Одаренный пловец Джесс Лернер поставил рекорд по плаванию вольным стилем на дистанции 500 метров». Мне он был не по зубам.

Прихватив свои стаканы, мы с Оливи присоединились к общей суматохе, которая царила во дворе и у бассейна. В открытом дворике, отделанном красным деревом, девушки курили пряные ароматизированные сигареты и смеялись, все как одна были одеты в маечки на тонких лямках и джинсы с заниженной талией. Я была смущена тем, что на мне тот же самый наряд.

На мне была черная маечка и расклешенные джинсы, пояс которых начинался на пару дюймов ниже моего пупка. Между топом и джинсами был зазор, демонстрирующий мою талию. На Оливи были надеты слаксы без защипов и фиолетовая майка с V-образным вырезом, также выставлявшая на показ ее живот. Сейчас я смотрю на наши фотографии тех времен и думаю, что дернуло нас выйти из дома с голым пупком.

– Между прочим, ты выглядишь великолепно, – сказала Оливи. – К тому же сейчас ты, возможно, как никогда привлекательна.

– Спасибо, – сказала я и подумала, что она говорит о моих длинных светло-каштановых волосах, спускавшихся по спине и разделенных прямым пробором. Но я также заподозрила, что она намекает на то, что я повзрослела. Я уже не так переживала из-за своей задницы и меньше стыдилась своего бюста. Я подросла и постройнела. Стала красить ресницы темно-коричневой тушью и накладывать румяна. Я, как и все остальные девчонки в нашей школе, не могла обойтись без блеска для губ. Хоть отнюдь и не считала себя прекрасным лебедем, но также больше не ощущала себя и гадким утенком. Я была чем-то средним и думала, что все начали замечать, что я стала увереннее в себе.

Оливи помахала ладонью перед лицом, отгоняя дым от сигарет, который ветер гнал в нашу сторону.

– Почему девчонки считают, что если сигарета слегка пахнет мускатным орехом, я вдыхала бы ее запах с большим удовольствием, чем запах обычной сигареты? – Она отошла к бассейну, чтобы быть подальше от дыма.

Едва я ступила на бетонный пол, окружавший бассейн, как поняла, кто собирался в него нырнуть.

Там в прилипших к телу красно-белых плавках, прижав пальцы ног к бортику бассейна, стоял... Сэм.

Его мокрые волосы были зачесаны назад. Торс был совершенно обнажен. Под редким пушком на груди с развитой мускулатурой выделялись мышцы брюшного пресса.

У Сэма был рельефный пресс.

Что?

Мы с Оливи увидели, как он не спеша подпрыгнул, готовясь взлететь. А потом я увидела его в воздухе.

Он прыгнул в бассейн, и я услышала знакомый хлопок от бьющегося о воду живота.

Кто-то закричал: «Ооооооо, чувааааак! Наверное, он ушибся!» А потом голова Сэма вынырнула из воды, он смеялся. Вытряхнув воду из ушей, он взглянул на меня.

Улыбнувшись, он поплыл к бортику бассейна, так как сразу вслед за ним прыгал еще один парень.

Я внезапно занервничала. Если Сэм, мокрый и полуголый, подойдет ко мне, чего бы мне хотелось?

– Еще пива? – спросила Оливи, опрокидывая свой стакан, чтобы показать, что он пуст.

Я кивнула, полагая, что она принесет нам пива.

Но вместо этого она сказала:

– Будь умницей, – протягивая мне свой стакан.

Я засмеялась в ответ:

– Ты такая зануда.

Она улыбнулась.

– Я знаю.

Я направилась к бочонку, стоявшему на улице, и накачала достаточно для того, чтобы наполнить один стакан, пока не услышала шипение.

– О черт! – раздалось у меня за спиной.

Я повернулась.

В шести дюймах[5 - 1 дюйм = 2,54 см.] от меня стоял Джесс Лернер, в майке, джинсах и кожаных сандалиях. Он улыбался так, что казался уверенным в себе, но в то же время слегка стыдливо, словно понимал, как красив, и поэтому смущался.

– Ты осушила бочонок до дна, – сказал он.

Впервые Джесс обратился ко мне, проговорив целую фразу. Я не сводила глаз с его губ, пока он говорил. Станным было только одно – что он не казался мне странным. В одно мгновение из человека, на которого я смотрела издали, Джесс превратился в того, с кем мне хотелось бы разговаривать всю жизнь. Я даже не нервничала. Чувствовала себя так, будто много лет тренировалась, готовясь к

гонке, и наконец дождалась участия в ней.

- Кто не успел, тот опоздал, - поддразнивая его, сказала я.

- По правилам, если ты забираешь последнее пиво, ты должна выпить его залпом, - ответил он.

А потом из толпы долетели слова, которых не хотелось бы услышать ни одному подростку, державшему в руках одноразовый стаканчик.

- Копы!

Джесс быстро огляделся, весь его вид служил подтверждением того, что опасность была реальной, что это не дурацкая шутка.

В дальнем углу двора, там, где заканчивалась подъездная дорожка, сквозь зелень проглядывали синие и красные огни.

А потом раздался вопль.

Я осмотрелась, пытаюсь отыскать Оливи, но она уже ретировалась в гущу деревьев и ловила мой взгляд, призывая сделать то же самое.

Я выронила из рук стаканы, расплескав пиво себе на ноги. А потом почувствовала чью-то руку у себя на талии. Джесс тащил меня за собой в противоположном направлении от того места, где находились все. Мы не стали прятаться за деревьями, мы скрылись за кустами, отделявшими этот дом от соседнего.

Все были взволнованы. То, что прежде можно было назвать управляемым хаосом, свирепствующим на пивной вечеринке учеников средней школы, превратилось в безудержное столпотворение, когда подростки разбежались во все стороны. Никогда я не сталкивалась с такой анархией.

Но кусты были достаточно высокими для того, чтобы Джесс мог присесть рядом со мной, и достаточно густыми, поэтому я почувствовала себя в безопасности. Мы были довольно далеко от всех остальных, вокруг воцарилась тишина - если

шумовое сопровождение полицейских сирен и тяжелые шаги разбегающихся людей можно действительно назвать тишиной.

Я ощущала тело Джесса рядом с собой, чувствовала его руку, когда он касался моей.

– Ой! – театрально прошептал он.

– Что? – прошептала я в ответ.

– Мне кажется, я поранил губу о колючку.

Резкий луч света скользнул по кустам, где мы прятались, и мне показалось, что я оцепенела.

Я слышала собственное дыхание, чувствовала, как бьется сердце о грудную клетку. Я была напугана, в этом сомневаться не приходилось. К этому моменту я была пьяной. Не слишком, но немного под градусом. Над нами нависла реальная угроза, нас могли схватить, что не только расстроило бы моих родителей, вдобавок нам грозил арест.

Тем не менее было невозможно отрицать, что я дрожала от возбуждения. Я испытывала наслаждение, затаив дыхание, когда тень полицейского офицера приближалась к нам. От волнения у меня закипела кровь.

Через некоторое время горизонт прояснился. Больше не было ни тяжелых шагов, ни слепящих вспышек света. Мы услышали, как отъезжают машины, как затихают разговоры. У меня начали сильно зудеть лодыжки, и я поняла, что меня кто-то ужалил. В конце концов, в Массачусетсе стоял май, значит, в воздухе было полно букашек, жаждущих моей крови.

Я была не уверена, стоит ли мне открывать рот, стоит ли нарушать молчание.

С одной стороны, казалось, что опасность миновала и мы можем выбраться из-за кустов. С другой стороны, никогда нельзя знать что-то точно.

Я услышала, как Джесс шепотом назвал меня по имени.

- Эмма? - тихо сказал он. - Ты в порядке?

Я даже не знала, что ему известно мое имя, и теперь он произносил его, как хорошо знакомое.

- Да, - сказала я. - Возможно, слегка оцарапалась, но в остальном все в порядке. А ты?

- Да, - сказал он. - У меня тоже все нормально.

Джесс на секунду замолчал, потом сказал:

- Думаю, опасность миновала. Ты способна выползти отсюда?

То, как он это произнес, навело меня на мысль, что он, возможно, и раньше ползал по кустам, что это не в первый раз Джесс оказался на вечеринке, где его не ждали, и занимался тем, чего от него не ждали.

- Да, - сказала я. - Готова.

Несколько движений вперед по-пластунски, и я стояла на траве перед Джессом Лернером.

У него была порезана губа, а на лбу виднелась царапина. У меня были крохотные царапины на ногах. Лодыжки по-прежнему зудели. Подняв ногу, я увидела несколько маленьких рубцов на стопе.

Было темно, хоть глаз выколи, все огни в доме были погашены. Стояла мертвая тишина. Единственным звуком, который мы оба слышали, был звук нашего собственного дыхания и стрекот сверчков, трущих свои крылышки друг о друга.

Я не знала, что делать. Как мы теперь доберемся до дома?

- Пойдем, - сказал Джесс, снова беря меня за руку. Дважды за один вечер я держалась за руки с Джессом Лернером. Мне пришлось напомнить себе о том, что не стоит принимать это слишком близко к сердцу. - Пойдем по улице, пока

не встретим кого-нибудь из тех, кто убежал, и прогуляемся вместе с ними.

– Хорошо, – сказала я, решив следовать за ним, как за вожаком, потому что ничего лучше я придумать не могла. Мне просто хотелось поскорее вернуться домой, чтобы позвонить Оливи и убедиться, что с ней все в порядке, а также сообщить ей о том, где я нахожусь.

И потом был еще Сэм. Он был там, в бассейне. Куда он убежал?

Мы с Джессом бесцельно брели по темной загородной дороге в надежде, что она нас куда-нибудь приведет.

– Почему ты не плавал? – неожиданно спросила я его, едва мы сделали несколько шагов по дороге.

Джесс посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что тебя считают величайшим пловцом всех времен.

Джесс рассмеялся:

– Мне ничего об этом не известно.

– О тебе писали в журнале *Veason*.

– Да, но я не рыба. Я живу и без воды, – поддразнил он меня.

Я пожала плечами.

– Однако вопрос остается открытым, – проговорила я. – Ведь это была вечеринка у бассейна.

Некоторое время он молчал. Я подумала, что разговор, возможно, закончен, вероятно, мы не должны были разговаривать, или он просто не хотел говорить

со мной. Но, когда Джесс снова заговорил, я поняла, что он на минуту задумался, решая, насколько может раскрыться передо мной.

- Тебе никогда не казалось, что все без конца твердят тебе о том, кто ты есть? - спросил он меня. - Например, люди ведут себя так, как будто они лучше тебя знают, на что ты способна и кем ты должна стать?

- Да, - ответила я. - Думаю, что да.

- Могу ли я доверить тебе секрет Полишинеля? - спросил он меня.

- Да.

- Мои родители хотят, чтобы я готовился к Олимпийским играм.

- Ах. - Он был прав. Это действительно был секрет Полишинеля.

- А могу я доверить тебе настоящий секрет? - спросил он.

Я кивнула.

- Я ненавижу плавание.

Джесс вглядывался в даль, стоя на дороге и выставив одну ногу вперед.

- Твои родители знают об этом? - спросила я.

Он отрицательно покачал головой.

- Никто не знает, - сказал он. - Ну, теперь никто, кроме тебя.

В этот момент я никак не могла понять, почему он рассказал мне об этом, почему Джесс доверился мне, а никому другому, рассказав всю правду о своей жизни. Я подумала, это значит, что он решил, что я особенная, что я, может быть, всегда нравилась ему так же, как он мне.

Теперь, оглядываясь назад, я знаю, что все было совсем наоборот. Я была девушкой на заднем плане его жизни – именно поэтому он чувствовал себя со мной в безопасности.

– На самом деле меня никогда не интересовало плавание, – сказала я, чтобы успокоить его. Я сказала так потому, что это было правдой. Но мои слова оказали мне двойную услугу.

Теперь я знала, кто он на самом деле, и я по-прежнему любила его. И это отличало меня от всех остальных.

– Мои родители владеют книжным магазином, – сказала я. – «Blair Books».

– Да, – проговорил он, – я знаю. То есть я свел концы с концами. – Джесс улыбнулся мне, а потом отвел взгляд в сторону. Продолжая путь, мы завернули за угол и оказались на шоссе.

– Они хотят, чтобы я когда-нибудь стала владелицей магазина, – сказала я. – Родители всегда дарят мне толстые романы и говорят, что однажды я полюблю чтение так же, как они, и... Я не знаю.

– Чего? – спросил Джесс.

– Я ненавижу читать книги.

Джесс, удивленный и довольный, улыбнулся. Он поднял руку вверх, предлагая свою ладонь. Он доверился мне, потому что считал меня посторонней, и только сейчас понял, что я – друг.

Рассмеявшись, я отошла на шаг и подняла вверх свою руку. Мы ударились ладонями, а потом Джесс на секунду задержал мою ладонь в своей.

– Ты пьяная? – спросил он меня.

– Чуть-чуть, – ответила я. – А ты?

– Чуть-чуть, – повторил он за мной.

Джесс не отпускал мою руку, и я подумала, может быть, всего лишь, может быть, он собирается поцеловать меня. А потом я решила, что думать так – безумие. Этого никогда не произойдет.

Позднее, когда мы с Джессом всем делились друг с другом, я спросила его, о чем он тогда думал. Я поинтересовалась у него в ту секунду, когда он держал мою руку в своей, как раз перед тем, как нас нашли копы, собирался ли он поцеловать меня. Джесс ответил, что не помнит. Он сказал, что точно ощутил лишь то, как я красива. Джесс признался, что помнит только, что заметил веснушки у меня под глазом. И да, возможно, он собирался меня поцеловать.

Но мы никогда не узнаем этого.

Потому что, как только я собрала в кулак всю свою уверенность и в предрассветный час заглянула прямо в глаза Джесса, нас ослепил удивительно яркий свет фонаря полицейского офицера, направленный прямо нам в глаза. Мы шли пьяными по тротуару и были пойманы на месте преступления.

После долгой и скучной бестолковой лжи и двух неудачных выдохов в трубочку анализатора алкоголя мы с Джессом сидели в наручниках у стены в полицейском отделении Эктона, ожидая, когда нас заберут.

– Родители меня убьют, – сказала я. – Мне кажется, я никогда не слышала, чтобы мой отец говорил с такой злостью, как сегодня по телефону.

При ярком освещении в полицейском участке губа Джесса казалась бордовой, следы от укусов букашек на моих лодыжках покраснели.

Я думала, что Джесс в ответ скажет мне, что ему еще хуже, что его родители, несомненно, еще нетерпимее. Но он этого не сделал. Зато он сказал:

– Прости.

– Нет, – сказала я, потрянув головой. Я никогда не осознавала, как часто меня выдавали руки, если только я не сдерживала свои жесты. – Это не твоя вина.

Джесс пожал плечами.

- Возможно, - сказал он. - Но я все равно прошу прощения.

- Ну, тогда... Я тоже прошу прощения.

Он улыбнулся:

- Извинения приняты.

Слева от нас на столе лежал список с именами последних задержаний. Я исподтишка заглянула в него, чтобы узнать, поймали ли еще кого-нибудь. И увидела несколько знакомых фамилий старшеклассников, но среди них не было ни Оливи, ни Сэма. Я почувствовала себя увереннее, поняв, что поймали только меня.

- Ты беспокоишься из-за своих родителей? - спросила я.

Джесс задумался, а потом покачал головой:

- Мои родители придерживаются весьма необычных правил, и пока я не нарушаю их, я могу делать почти все, что захочу.

- Что за правила? - спросила я.

- Бить рекорды штата и не получать оценок ниже, чем «хорошо».

- Серьезно? - сказала я. - Это единственные правила, которые ты должен соблюдать?

- Ты понимаешь, как тяжело побивать рекорды штата и получать хорошие оценки в школе? - Джесс не сердился на меня, но по голосу было件нятно, что он на грани.

Я кивнула.

- Но то, что они, кажется, не слишком рассердились, когда я позвонил им из полицейского участка после полуночи, вселяет оптимизм. Значит, мне не о чем

беспокоиться.

Я засмеялась, а потом стала теревить руками манжеты, пытаюсь удержаться от того, чтобы не расчесать запястья.

– Зачем они надели на нас это? – спросила я. – Они даже не арестовали нас. Что, по их мнению, мы собираемся сделать? Сбежать?

Джесс засмеялся:

– Может быть. Мы могли бы сбежать отсюда. Как Бонни и Клайд. – Я подумала, знает ли он, что Бонни и Клайд были любовниками? Я раздумывала, не сказать ли ему об этом.

– Итак, твои родители будут недовольны? – спросил Джесс.

Я покачала головой:

– Да нет же, говорю тебе. Нет, мне придется торчать в магазине с этих самых пор и до девяносто двух лет, это точно.

– В книжном магазине?

– Да, это любимое наказание моих родителей. Кроме того, они тешат себя надеждой, что однажды мы с сестрой станем владелицами семейного бизнеса.

– А ты этого хочешь?

– Владеть магазином? Ты смеешься надо мной? Безусловно, нет.

– А чем ты хочешь заняться?

– Уехать из Эктона, – ответила я. – Это в первую очередь. Я хочу посмотреть мир. Сначала увидеть Тихий океан, а потом уехать куда глаза глядят.

– Ой, правда? – сказал он. – Я подумывал о том, чтобы поступить в один из университетов в Калифорнии. Я представлял, что стану жить за три тысячи миль отсюда и мои родители не смогут заставить меня тренироваться с удвоенной силой.

– Я тоже подумывала об этом, – сказала я. – Я имею в виду о Калифорнии. Не знаю, отпустят ли меня родители, но я хочу поступить в Лос-Анджелесский университет.

– А что ты хочешь изучать?

– Не представляю себе. Я только знаю, что хочу участвовать во всех заграничных программах, которые у них есть. Чтобы увидеть свет.

– Звучит фантастически, – сказал Джесс. – Мне тоже этого хочется. Посмотреть мир.

– Я только не знаю, согласятся ли мои родители, – сказала я.

– Если тебе чего-то хочется, ты обязана сделать это.

– Что? Это даже не имеет смысла.

– Конечно имеет. Если ты чего-то желаешь так страстно, что не сомневаешься в этом, значит, чтобы это произошло, ты должна бороться. Я так и делаю. Я хочу уехать, значит, уеду. Подальше отсюда. Ты тоже должна так поступить, – сказал он.

– Не думаю, что моим родителям это понравится, – сказала я.

– Твои родители не обязаны быть тобой. Ты должна быть самой собой. Знаешь, я рассуждаю так – ты долго жила как им хотелось. Скоро придет время идти своим путем.

Было очевидно, что на самом деле Джесс говорит не обо мне и моих родителях. Но все, что он говорил, находило отклик в моей душе. Его слова отдавались в моей голове все громче, не стихая.

- Мне кажется, ты прав, - сказала я.

- Я знаю, что прав, - улыбаясь, проговорил он.

- Нет, честно, я поступлю в Лос-Анджелесский университет.

- Рад за тебя, - сказал он.

- И ты тоже должен поступить так же, - сказала я. - Перестань плавать, если тебе это не нравится. Займись чем-нибудь еще. Тем, что тебе нравится.

Джесс улыбнулся:

- Знаешь, ты совсем не такая, как я себе представлял.

- Что ты имеешь в виду? - спросила я. Мне с трудом верилось, что Джесс раньше думал обо мне, что до этого вечера он вообще знал о моем существовании.

- Не знаю, просто ты... другая.

- Лучше или хуже?

- О, определенно лучше, - кивнув головой, ответил он. - Точно.

- А что ты прежде думал обо мне? - спросила я, теперь отчаянно желая узнать об этом. Какой я казалась ему до того, как мы попали в передрагу? Мне нужно было знать наверняка, чтобы не походить на себя прежнюю.

- Не важно, - сказал он.

- Ну давай, - сказала я. - Просто скажи, что бы это ни было.

- Я не хочу ставить тебя в неудобное положение и все такое, - сказал Джесс.

- Что? О чем ты?

Джесс посмотрел на меня. А потом решился и просто сказал:

- Не знаю. У меня сложилось впечатление, что я тебе, возможно, нравлюсь.

Я непроизвольно отшатнулась от него.

- Что? Нет, ты мне не нравился.

Он пожал плечами так, словно ему это было до лампочки.

- Ну вот видишь? Я ошибался.

- Почему ты так думал?

- Кэролайн, моя бывшая подружка... - сказал он, пытаюсь объяснить.

- Я знаю, кто такая Кэролайн, - сказала я.

- Так вот, ей казалось, что ты, возможно, увлечена мной.

- С чего бы ей так думать?

- Не знаю. Просто она всегда ревновала, когда девушки поглядывали на меня. Должно быть, и ты однажды взглянула на меня. Поэтому она так и подумала.

- Но скажи, ты поверил ей?

- Ну, послушай, я надеялся, что она права.

- Почему?

- Что значит «почему»?

- Почему ты надеялся, что она права? Тебе хотелось, чтобы я втюрилась в тебя?

- Конечно, хотелось. Разве любому не хочется, чтобы в него кто-нибудь влюбился?

- Тебе хотелось, чтобы именно я увлеклась тобой?

- Разумеется, - сказал Джесс так, словно это и так было понятно.

- Но почему?

- Ну, не важно почему, разве не так? Потому что я тебе не нравился. То есть это не относится к делу.

Беседа зашла в тупик.

Выйти из него можно было, только сказав правду. Взвесив все «за» и «против», я попыталась решить, стоит ли это делать.

- Отлично, я была увлечена тобой, когда только перешла в среднюю школу.

Джесс повернулся и улыбнулся мне:

- Да?

- Да, но теперь с этим покончено.

- Почему покончено?

- Не знаю, ты был с Кэролайн. Я едва была знакома с тобой.

- Но теперь я не с Кэролайн, и ты со мной познакомилась.

- Что ты болтаешь?

- Почему бы тебе не быть без ума от меня? - сказал Джесс.

– Почему бы теперь тебе не быть без ума от меня? – спросила я.

И в этот момент Джесс произнес то, что положило начало взрослой любви всей моей жизни.

– Мне кажется, что я действительно без ума от тебя. Начиная приблизительно с половины второго ночи.

Я, ошеломленная, посмотрела на него, пытаюсь подобрать слова.

– Ну, тогда я тоже, – сказала я наконец.

– Правда? – улыбаясь, сказал он. – Я так и думал.

А потом, когда никто не смотрел на нас, он наклонился и поцеловал меня.

В то лето мне пришлось отработать втрое больше смен в магазине в качестве искупления своего незрелого пьянства. Мне пришлось выслушать шесть разных нотаций от моих родителей на предмет того, как я расстроила их, ведь они никогда не думали, что я из тех дочерей, которых задерживает полиция.

Мари стала работать помощником управляющего, восемь часов в день, строя из себя начальника. Единственное, что я узнала, – это то, что получать от нее указания было еще хуже, чем болтаться с ней целый день.

Оливи провела лето на Мысу[6 - Имеется в виду полуостров Кейп-Код – самая восточная часть штата Массачусетс.] вместе со своим старшим братом, работая официанткой и загорая на пляже.

Сэм переехал в Бостон на две недели раньше срока, так и не попрощавшись.

Но мне было все равно, потому что в то лето мы с Джессом влюбились друг в друга.

– Эмма, не хочешь обернуться?

- Что? – переспросила я.

- Просто обернись и крикни во весь голос!

И, обернувшись, я увидела Джесса, который стоял передо мной на песчаном пляже в Малибу, в Калифорнии. Он держал в руках маленькое кольцо с рубином. Прошло девять лет с тех пор, как он в первый раз поцеловал меня в полицейском участке Эктона.

- Джесс... – сказала я.

- Ты согласна выйти за меня замуж? – спросил он.

Я онемела. Но не потому, что он просил моей руки. Нам было по двадцать пять лет, всю нашу взрослую жизнь мы были вместе. Мы вместе проехали всю страну, чтобы поступить в Лос-Анджелесский университет. Свой третий курс мы отучились за границей, в Сиднее, в Австралии, а после окончания университета пять месяцев ходили с рюкзаком по Европе.

И мы устроили свою жизнь в Лос-Анджелесе, подальше от «Blair Books» и пятисотметровой дистанции вольным стилем. Джек стал ассистентом режиссера и снимал документальные фильмы о природе, рабочие задания требовали от него таких дальних путешествий, как в Африку, или поездок поближе к дому, например, в пустыню Мохаве.

Я же, по странному стечению обстоятельств, стала писать о путешествиях, что, казалось, приводило Мари в ярость. На втором году обучения в университете я узнала о курсе по туристической литературе, который читали на факультете журналистики. Я слышала, что попасть на этот курс было нелегко. И правда, профессор набирал всего девять студентов в год. Но меня зачислили, факультет каждый год оплачивал студентам поездку в какое-то новое место. В том году это была Аляска.

Я никогда не видела Аляски и знала, что не могу позволить себе поехать туда на свои средства. Но мне не хотелось писать.

В конечном счете именно Джесс подтолкнул меня к тому, чтобы я подала документы.

К заявлению требовалось приложить работу в тысячу слов о любом городке или городе мира. Я написала эссе об Эктоне. Я обыграла его богатую историю, рассказала о школьной системе и, главное, о местном книжном магазине. Я попыталась увидеть родной город глазами своего отца и переложила свои мысли на бумагу. Казалось, что это была небольшая цена за возможность поехать на Аляску.

Эссе получилось совершенно отвратительным. Но в том году было всего шестнадцать заявлений и, видимо, семь других работ были еще хуже.

Я думала, что на Аляске красиво. Я впервые покидала континентальную часть Соединенных Штатов и должна была не врать себе и признаться, что это было не то, о чем я мечтала. Но представьте всеобщее удивление, когда оказалось, что мне понравилось писать об Аляске еще больше, чем жить там.

Я выбрала своей специальностью журналистику и усердно работала, совершенствуя технику интервьюера и образное мышление, как советовали почти все профессора.

По окончании колледжа я стала писать статьи.

Именно это, как я поняла, убило Мари окончательно.

В нашей семье я стала писателем, тогда как она жила в Эктоне и управляла магазином.

Мне потребовалось два года, чтобы найти работу, связанную с командировками, но к двадцати пяти годам я стала помощником редактора туристического блога с грошовой зарплатой, но представили мне возможность побывать на пяти или даже на шести континентах.

Жаль, что у нас с Джессом было очень мало денег. На пороге нашего двадцатилетия ни у кого из нас не было медицинской страховки, и порой по вечерам мы по-прежнему ели на ужин соленые крекеры с арахисовым маслом.

Но позитивных моментов было намного больше – мы повидали свет как вместе, так и порознь.

Иногда мы подумывали о том, чтобы пожениться. Всем, включая нас самих, было очевидно, что однажды это произойдет. Мы знали, что поженемся, когда придет время, точно так же, как все знают, что, помыв волосы шампунем, нужно нанести на них кондиционер.

Поэтому для меня не было шоком, когда Джесс захотел жениться на мне.

Что меня поразило, так это то, что у него вообще оказалось какое-то кольцо.

– Я знаю, что оно узкое, – извиняющимся тоном произнес Джесс, когда я надела кольцо на руку. – И оно без бриллианта.

– Мне оно нравится, – сказала я.

– Ты узнаешь его?

Я еще раз взглянула на кольцо, пытаюсь угадать, что он имеет в виду.

Это было кольцо из желтого золота с круглым рубином посередине. Оно было погнутым и потертым, явно его уже носили. Мне все в нем нравилось. Но я не узнавала его.

– Нет, – сказала я.

– Ты уверена? – спросил он, поддразнивая меня. – Если подумаешь секунду, думаю, ты поймешь, что это за кольцо.

Я снова пристально посмотрела на подарок. Но кольцо на моем пальце было мне менее интересно, чем подаривший его мужчина.

Повзрослев, Джесс из привлекательного молодого человека превратился в настоящего красавца. Плечи у него стали шире, спина крепче. Он больше не тренировался, и его торс слегка располнел, но ему это очень шло. Его резко очерченные скулы были заметны почти при любом освещении, а улыбка так

подчеркивала его мужественность, что наводила меня на мысль о том, что он и в старости останется красивым.

Я была безумно влюблена в него, и, если мне не изменяет память, влюблена очень давно. Наши отношения были глубокими и серьезными. Именно Джесс подставил мне свое плечо, когда родители пришли в ярость, узнав, что я так и не подала заявление в Массачусетский университет, и, сделав это, он уговорил их отправить меня в Калифорнию. Именно Джесс вытирал мне слезы, когда мой отец был убит горем из-за того, что я не вернулась домой и не помогла ему вести дела в магазине. И также Джесс помог мне сохранить уверенность в том, что я в конце концов когда-нибудь снова увижусь со своими родителями.

Парень, которого я впервые увидела в тот день в бассейне на соревнованиях, превратился в великодушного и доброго мужчину. Он открывал передо мной двери. Покупал для меня диетическую колу и мороженое «Ben amp; Jerry's Chunky Monkey», если у меня было плохое настроение. Он фотографировал все места, где ему приходилось бывать, все места, где мы бывали вместе с ним, и украшал этими снимками наш дом.

А теперь, когда мы стали совсем взрослыми и детские обиды забылись, Джесс снова начал плавать на длинные дистанции. Нечасто, нерегулярно, только иногда. Он говорил, что до сих пор не переносит запаха хлорки в бассейне, но ему понравилось плавать в соленой океанской воде. Я так любила его за это.

– Извини, – сказала я. – Не думаю, что я когда-нибудь прежде видела это кольцо.

Джесс засмеялся.

– Барселона, – сказал он. – Вечер, когда...

От удивления я открыла рот.

Он улыбнулся, поняв, что нет нужды заканчивать фразу.

– Нет... – сказала я.

Джесс кивнул.

В тот день мы только что приехали на поезде в Барселону из Мадрида, воспользовавшись билетом компании «Eurail», дающим право на проезд по нескольким европейским странам. На улице мы увидели женщину, торговавшую ювелирными изделиями. Оба мы были на последнем издыхании, поэтому сразу направились в отель. Но женщина не отставала от нас, упрашивая взглянуть на ее товар.

Поэтому мы остановились.

Я увидела колечко с рубином.

И сказала Джессу:

– Видишь? Мне не нужны такие изысканные украшения, как бриллианты. По мне, и колечко вроде этого очень красиво.

И вот теперь оно было передо мной, кольцо с рубином.

– Ты купил для меня кольцо с рубином! – сказала я.

Джесс покачал головой:

– Это не просто какое-то кольцо с рубином...

– Это то самое кольцо с рубином, – сказала я.

Джесс рассмеялся:

– Да, это оно. Именно это я пытался сказать тебе. Это то самое кольцо...

Ошеломленная, я смотрела на кольцо, оторвав руку от лица, чтобы лучше разглядеть.

– Постой, ты серьезно? Как тебе это удалось?

Я представила себе, как Джесс звонит по международной линии и платит непомерную сумму, но правда оказалась намного проще.

– Я незаметно вернулся и купил его, когда ты в тот вечер отправилась в ванную комнату, – сказал он.

Я вытаращила глаза.

– Ты купил это кольцо пять лет назад?

Джесс пожал плечами.

– Я знал, что женюсь на тебе. К чему дожидаться возможности купить бриллиант, если я точно знал, чего ты хочешь.

– О боже! – сказала я, заливаясь румянцем. – Не могу в это поверить. Оно мне как раз впору. Возможно ли... возможно ли это?

– Ну, – робко проговорил Джесс, – на самом деле очень возможно.

Я посмотрела на него, гадая, что он имеет в виду.

– Я отнес его к ювелиру, чтобы он подогнал размер по одному из твоих колец.

Мне кажется, он волновался из-за того, что его признание сделает этот момент менее романтичным. Но по мне, так он стал еще романтичнее.

– Здорово, Джесс, – сказала я. – Просто здорово.

– Ты не ответила на мой вопрос, – сказал он. – Ты выйдешь за меня замуж?

Вопрос казался абсурдным, ведь ответ был так очевиден. Все равно что спрашивать, любит ли кто-нибудь картошку фри или мокрый ли дождь?

Стоя там, на берегу, ощущая песок под ногами, видя перед собой Тихий океан, неподалеку от нашего дома, расположенного в нескольких милях отсюда, я

думала о том, как мне везет, потому что я получаю все, чего хочу.

– Да, – ответила я, обнимая его руками за шею. – Безусловно. Разумеется. Несомненно. Да.

Мы поженились в выходной день, в День поминовения[7 - День поминовения – 30 мая, день памяти павших во всех войнах, изначально – день памяти павших в Гражданской войне в США 1861–1865 гг.], в штате Мэн, в хижине, принадлежавшей семье Джесса.

Мы планировали отметить свадьбу в Праге, но это было нереально. Когда мы смирились с тем, что наше бракосочетание состоится в Соединенных Штатах, Джесс захотел, чтобы оно произошло в Лос-Анджелесе.

Но по какой-то причине мне хотелось, чтобы это случилось в Новой Англии, а не где-то еще. Я была удивлена таким порывом. Ведь я провела так много времени, путешествуя по далеким краям, и предприняла столько усилий для того, чтобы уехать из дома.

Но стоило удалиться от тех мест, где я выросла, как я начала понимать их красоту. Я стала смотреть на них так, как смотрят чужаки, возможно, потому, что сама стала чужой.

Итак, я сказала Джессу, что мы должны пожениться дома, весной, и, хотя мне пришлось убеждать его, он согласился.

А потом стало понятно, что проще всего это было сделать в хижине, принадлежавшей родителям Джесса.

Мои родители были, естественно, очень взволнованы. Я полагала, что в некотором смысле у той ночи, когда мы попались в руки копам, и тем днем, когда я позвонила своим родителям для того, чтобы сказать, что мы собираемся заключить брак в Новой Англии, было много общего.

И в тот и в этот раз я совершила то, что казалось моим родителям несвойственным для меня, что поразило их до такой степени, что мгновенно

изменило отношения между нами.

Тогда, когда я еще училась в средней школе, они разуверились во мне.

Подозреваю, что неприятности с полицией сыграли здесь большую роль, чем пьянка. А то, что я стала встречаться с тем самым мальчиком, с которым нас задержали, только усложнило дело. Им казалось, что из любимой маленькой девочки я вдруг превратилась в хулиганку.

А когда зашел разговор о свадьбе, я из независимой дочери, путешествующей по всему свету, превратилась в возвращавшуюся в родное гнездо птицу.

Мама взяла на себя все мелкие хлопоты, она договаривалась с родителями Джесса, бронировала место у маяка, на расстоянии мили от Эктона, и выбирала свадебный торт, когда мы с Джессом не могли заехать туда, чтобы попробовать. Папа помог договориться с гостиницей поблизости, где мы должны были принимать гостей. Мари, вышедшая замуж за Майка всего девять месяцев назад, одолжила столовые приборы и скатерти со своей свадьбы.

Оливи прилетела из Чикаго, где она жила, чтобы присутствовать на девичнике и приеме гостей в доме невесты. На первом она напилась до тошноты, а на втором сменила платье и надела широкополую шляпу. В день свадьбы она приехала первой, что, как всегда, доказывало, что Оливи никогда ничего не делает наспех.

Оставаясь подругами, мы редко встречались с тех пор, как окончили колледж. Но я никогда не встречала другой женщины, которой я дорожила бы так же, как ею. Никто не мог рассмешить меня так, как она. Итак, Оливи осталась моим лучшим другом, несмотря на то что нас разделяли сотни миль, и поэтому она стала моей свидетельницей на свадьбе.

Казалось, мама и папа некоторое время сомневались, смириться ли им с тем, что мы с Мари не выбрали друг друга на эту роль. Но мы были подружками невесты друг у друга, что, судя по всему, успокоило их.

Что касается Джесса, то с его стороны соответствующие роли на свадьбе были распределены между его двумя старшими братьями.

По правде сказать, я родителей Джесса интересовала мало, я всегда знала, что это оттого, что они винили меня в том, что он забросил плавание. Когда-то Джесс высказал им в лицо всю правду, сказав, что ненавидит плавание, что он никогда не стал бы заниматься им по своей воле. Но они принимали во внимание только соответствующую последовательность событий – явилась я, и Джесс внезапно разлюбил то, что, как они полагали, любил всегда.

Но как только мы с Джессом обручились и как только Франсина и Джо узнали, что мы хотим устроить свадьбу в их хижине, они слегка оттаяли. Может быть, они просто осознали смысл происходящего – Джесс собирается жениться на мне, нравится им это или нет. Но я предпочитаю думать, что они просто начали прозревать. Думаю, когда они пригляделись ко мне, то обнаружили, что меня было за что полюбить и что Джесс, возмужав, стал импозантным мужчиной вне зависимости от того, исполнил он их мечту или нет.

Не считая некоторых мелких неувязок с моим платьем и споров по поводу того, будем ли мы исполнять танец новобрачных, предсвадебные хлопоты мы с Джессом пережили относительно безболезненно.

Что же касается самого дня свадьбы, то, по правде сказать, я его не помню.

Только урывками.

Помню, как мама надевала на меня платье.

Как при ходьбе я довольно высоко поднимала шлейф, чтобы не испачкать его в пыли.

Что запах цветов был резче, чем они пахнут в магазине.

Помню, как я смотрела на Джесса, идя по открытому проходу между скамьями, глядя, как поблескивает его черный смокинг, как идеально уложены его волосы, и пребывая в состоянии всепоглощающего покоя.

Как стояла вместе с ним, когда нас фотографировали во время коктейля, между церемонией и приемом. Как он, как раз в тот момент, когда фотограф включил вспышку, прошептал мне на ухо:

– Я хочу остаться наедине с тобой.

Помню, как я ответила:

– Знаю, но... до конца свадьбы еще так долго.

Помню, как мы взялись за руки и скрылись с глаз фотографа, когда он менял аккумулятор в фотоаппарате.

Когда никто не смотрел на нас, мы рванули в хижину. Именно там, наедине с Джессом, я смогла снова сосредоточиться, свободно вздохнуть. Я как будто спустилась с небес на землю, в первый раз за весь день я почувствовала себя самой собой.

– Не могу поверить, что мы просто удрали со своей собственной свадьбы, – сказала я.

– Что же... – Джесс обнял меня. – Это наша свадьба. Нам все позволено.

– Не уверена, что нам сойдет это с рук, – сказала я.

Джесс уже начал расстегивать на мне платье. Оно не поддавалось, поэтому он задрал узкую юбку мне на бедра.

Мы остановились на кухне. Я прыгнула на кухонный стол, а Джесс притянул меня к себе, а я прижалась к его телу, ощущая себя совсем не так, как прежде.

Это было более осмысленно.

Через полчаса, едва я вышла из ванной, поправляя прическу, в дверь постучала Мари.

Всем хотелось знать, где мы.

Пришло время объявить наш танец.

- Полагаю, нам нужно вернуться, - сказал мне Джесс, улыбаясь при воспоминании о том, чем мы занимались, заставляя всех ждать.

- Я тоже так думаю, - сказала я, пребывая в том же настроении.

- Да, - не слишком весело согласилась Мари, - думаю, что да.

По пути к гостинице, занявшему несколько минут, она шла впереди нас.

- Кажется, мы разозлили дочь книготорговца, - прошептал Джесс.

- Думаю, ты прав, - сказала я.

- Я должен сказать тебе что-то действительно важное, - проговорил он. - Ты готова? Это правда важно. Потрясающая новость.

- Говори.

- Я буду любить тебя вечно.

- Это я уже знаю, - улыбнулась я. - И я тоже буду любить тебя вечно.

- Да?

- Да, - ответила я. - Любить тебя до самой старости, когда мы едва сможем передвигаться без посторонней помощи и нам придется передвигаться с ходунками, надев им на ножки прикольные желтые теннисные мячики. На самом деле, я буду любить тебя еще дольше. Я буду любить тебя до конца времен.

- Ты уверена? - спросил он, притягивая меня к себе. Мари, намного обогнав нас, уже схватилась за ручку двери, и до меня донесся гул светских разговоров. Я представила себе зал, полный друзей и родственников, знакомящихся друг с другом. Я вообразила Оливи, уже подружившуюся с половиной многочисленных родственников моего отца.

Когда все закончилось, мы с Джессом отправились в десятидневное путешествие по Индии, любезно подаренное нам его родителями. Никаких хождений с рюкзаком или ночлега в хостелах. Никаких сроков или киносъемок, пока мы были там. Просто два человека, влюбленных друг в друга, и целый мир.

- Ты издеваешься? - спросила я. - Ты - моя единственная настоящая любовь. Я даже никогда не думала, что способна полюбить кого-то другого.

Двустворчатые двери раскрылись, и мы с Джессом вошли в зал приемов как раз в тот момент, когда диджей объявил:

- Представляю вам... Джесса и Эмму Лернер!

Я на секунду содрогнулась, услышав свою новую фамилию. Казалось, говорят о ком-то другом. Я предположила, что со временем привыкну к ней, что она понравится мне больше, подобно тому, как думала в первые несколько дней после того, как сделала стрижку.

Впрочем, фамилия не имела никакого значения. Ничто не имело значения, когда рядом со мной был мужчина моей мечты.

Это был счастливейший день в моей жизни.

Эмма и Джесс. Навсегда.

Через триста шестьдесят четыре дня он пропал.

В последний раз я видела Джесса одетым в темно-синие слаксы, слипоны и серо-фиолетовую майку. Это была его любимая. Днем раньше он постирал ее и поэтому надел.

Оставался один день до годовщины нашей свадьбы. Ему, как внештатному сотруднику, удалось получить задание на написание статьи о новом отеле в долине Святой Инессы в Южной Калифорнии. Несмотря на то что рабочая поездка - не самый лучший способ отпраздновать годовщину, Джесс собирался взять меня с собой. Мы отметили бы первую годовщину, остановившись в отеле,

как туристы, писали бы заметки о еде, а потом пробрались бы на один-другой виноградник.

Но Джесса попросили сопровождать его старого босса во время срочной четырехдневной киносъемки на Алеутских островах.

И, в отличие от меня, он еще не бывал на Аляске.

– Я увижу ледники, – мечтал Джесс. – Ты видела их, а я еще нет.

Я подумала о том, какие чувства испытываешь, глядя на нечто такое белое, что оно кажется голубым, такое огромное, что чувствуешь себя маленькой, такое спокойное, что забываешь об угрозе для окружающей среды, которую создают ледники. Я понимала, почему ему хочется туда поехать. Но также знала, что, будь я на его месте, я бы отказалась от такой возможности.

Отчасти свою роль сыграла усталость от путешествий. Мы провели почти десять лет, хватаясь за любой шанс сесть на самолет или в поезд. Я работала для туристического блога и писала как внештатный сотрудник на стороне, стараясь изо всех сил, чтобы мои статьи печатались во все более и более перспективных изданиях.

Я стала профессионалом в прохождении контрольно-пропускных пунктов и получении багажа. Я набрала достаточно премиальных миль и могла полететь в любое место, о котором мечтала.

И я не говорю, что путешествия не были потрясающими, что наша жизнь не была замечательной. Потому что она была такой.

Я побывала у Китайской стены. Я взбиралась на водопад в Коста-Рике. Я пробовала пиццу в Неаполе, штрудели в Вене, сосиски с картофельным пюре в Лондоне. Я видела Джоконду. Я была в Тадж-Махале.

Не раз, находясь за границей, я испытывала невероятные ощущения.

Но я также испытала немало невероятных ощущений, не выходя из собственного дома. Мы с Джессом придумывали дешевые домашние обеды, гуляли по улицам

поздно ночью, деля поровну порцию мороженого, по субботам просыпались рано, на восходе солнца, сверкающего сквозь раздвижную застекленную дверь.

Я выстраивала свою жизнь, исходя из того, что мне хотелось увидеть все, что только есть необыкновенного, но я тогда не осознавала, что необыкновенное – повсюду.

И мне очень захотелось воспользоваться каким-нибудь случаем, осесть где-нибудь и, может быть, чем черт не шутит, отказаться от необходимости спешить на самолет и лететь куда-то еще.

Я как раз узнала, что Мари беременна своим первенцем. Они с Майком купили дом неподалеку от Эктона. Казалось, все вело к тому, что она станет владелицей магазина. Дочь книготорговца полностью оправдывала надежды.

Но вот что поразило меня – у меня зародилось легкое подозрение, что ее жизнь не так уж плоха.

Она без конца не паковала и не распаковывала вещи. Она никогда не страдала от перемены часовых поясов. Ей не приходилось покупать зарядку для телефона, которая у нее уже была, потому, что она забыла оригинальную за тысячу миль от того места, где теперь находилась.

Обо всем этом я рассказала Джессу.

– У тебя когда-нибудь возникает желание просто вернуться домой? – спросила я.

– Мы дома, – ответил он.

– Нет, домой. В Эктон.

Джесс с подозрением посмотрел на меня и сказал:

– Ты, наверное, самозванка. Потому что настоящая Эмма никогда так не сказала бы.

Я засмеялась и больше не возвращалась к этой теме.

Но в действительности я не забыла о ней. Дело было вот в чем: если мы с Джессом соберемся завести детей, сможем ли мы по-прежнему брать билет на ближайший рейс и лететь в Перу? И что, может быть, еще важнее – смогу ли я растить детей в Лос-Анджелесе?

В тот самый момент, когда эти вопросы пришли мне в голову, я начала понимать, что мои планы на жизнь, на самом деле, никогда не распространялись дальше тридцати лет. Я никогда не задавалась вопросом, всегда ли мне будет нравиться путешествовать, всегда ли я буду хотеть жить так далеко от своих родителей.

Я стала подозревать, что тот роскошный образ жизни, который вели мы с Джессом, казался мне временным, он был как осознанная необходимость, но потом, однажды, все должно было закончиться.

Я подумала, что когда-нибудь захочу остепениться.

И единственным, что поразило меня больше, чем осознание этого, была мысль о том, что прежде я никогда не понимала этого.

Разумеется, дело было не в том, что я знала наверняка, что Джесс не задумывается о чем-либо подобном. Я была вполне уверена, что он вообще не думает об этом.

Мы выстроили свою жизнь как стихийное приключение, мы видели все, что другие только мечтают увидеть.

Я не могла бы резко изменить наш образ жизни.

Поэтому, хотя мне хотелось, чтобы он не полетел на Аляску, а поехал со мной в Южную Калифорнию, я отпустила его.

И Джесс был прав. Я уже видела ледники. А он – нет.

Итак, вместо того чтобы готовиться к празднованию первой годовщины нашей свадьбы, я, сидя в машине, везла Джесса в международный аэропорт Лос-Анджелеса, чтобы он успел на рейс до Анкориджа.

– Когда я вернусь домой, мы отметим нашу годовщину, – сказал он. – Я из кожи вон вылезу. Свечи, вино, цветы. Я даже спою серенаду. И я позвоню тебе завтра.

Он должен был встретиться с остальными членами команды в Анкоридже, а потом пересесть на частный самолет и приземлиться на острове Акун. После чего большую часть времени он собирался посвятить воздушной киносъемке с борта вертолета.

– Не переживай по этому поводу, – сказала я. – Если не сможешь позвонить, я пойму.

– Спасибо тебе, – сказал Джесс, хватая багаж, и посмотрел на меня. – Я люблю тебя больше, чем кто-либо любил кого-либо, начиная с самого сотворения мира. Ты знаешь об этом? Ты знаешь, что Антоний не любил Клеопатру так же сильно? Ты знаешь, что Ромео не любил Джульетту так, как я люблю тебя?

Я засмеялась.

– Я тоже люблю тебя, – сказала я. – Больше, чем Лиз Тейлор любила Ричарда Бартонна.

Обойдя машину, Джесс остановился у моего окна.

– Круто, – сказал он. – Это очень сильно.

– Отлично. Давай, убирайся отсюда. Я должна ехать по делам.

Рассмеявшись, Джесс на прощание поцеловал меня. Сделав погромче звук магнитолы и напевая себе под нос, я съехала с обочины.

Пока я кружила по улицам, возвращаясь домой, Джесс написал мне эсэмэску.

Я люблю тебя. И уже скучаю.

Наверное, он отправил ее как раз перед тем, как пройти через службу безопасности аэропорта, может быть, сразу после того. Но я увидела ее только час спустя.

Я написала ему в ответ.

Я скучаю по тебе каждый день, каждую секунду. Чмоки.

Я понимала, что он, возможно, не сразу увидит ее, что я, возможно, не услышу его в течение нескольких дней.

Мое воображение рисовало, как он летит в маленьком самолете, приземляется на острове, запрыгивает в вертолет и скоро увидит огромный ледник, от которого у него захватит дух.

В день нашей годовщины я проснулась утром с болью в желудке. Я побежала в ванную, где меня стошнило.

У меня и мысли не было, в чем причина. Не знаю, съела ли я что-нибудь испорченное накануне или я, в каком-то смысле, нутром ощущала приближение трагедии, так же, как собаки всем своим поведением сообщают о приближении урагана.

Джесс не позвонил, чтобы поздравить меня с годовщиной.

Он долетел коммерческим рейсом до Анкориджа.

А частный самолет доставил его на остров Акун.

Но после того, как они впервые сели в вертолет, тот так и не вернулся.

Самый правдоподобный вывод, к которому все пришли, заключался в том, что вертолет затонул где-то в Тихом океане.

Четыре человека, которые были на борту, пропали.

Мой муж, моя настоящая любовь...

Исчез.

Франсина и Джо прилетели в Лос-Анджелес и приехали ко мне домой. Мои родители, которые тоже приехали, остановились в отеле в нескольких минутах ходьбы от моего дома, но каждую минуту проводили со мной.

Франсина с упорством твердила, что не понимает, почему об этой истории не рассказывают в новостях по всей стране, почему не организованы поиски в национальном масштабе.

Джо продолжал повторять, что вертолеты постоянно разбиваются. Послушать его, так это была хорошая новость, подразумевающая, что для таких случаев, как наш, существует разработанный план.

– Они найдут его, – повторял он жене снова и снова. – Если кто-то и может выплыть живым и невредимым, то это наш сын.

Я поддерживала их обоих так долго, как только могла. Я утешала Франсину, когда она рыдала в моих объятиях. Я точно так же, как Джо, говорила ей, что нужно просто подождать, пока он не позвонит и не скажет, что жив и здоров.

Мама приготовила запеканку, я хотела нарезать ее и положить на тарелки для Франсины и Джо, сказав что-то вроде: «Нам нужно поесть». Но я так и не сделала этого.

Я плакала, когда никого не было рядом, и вдруг поняла, как тяжело мне смотреться в зеркало, но продолжала убеждать всех в том, что Джесса скоро найдут.

А потом на берегу острова Адак был найден винт от вертолета. С рюкзаком Джесса. И телом пилота.

Раздался телефонный звонок, которого мы так ждали.

Но мы не услышали того, чего так хотели.

Джесс так и не был обнаружен.

Предполагалось, что он погиб.

После того как я опустила трубку, Франсина потеряла сознание. Джо окаменел. Мои родители, потрясенные, уставились на меня.

Я сказала:

- Это бред. Джесс не умер. Он не мог бы так поступить.

* * *

У Франсины начался такой острый приступ паники, что Джо улетел с ней на самолете домой и положил ее в больницу.

Мои родители спали на надувном матрасе у моей кровати, наблюдая за каждым моим шагом. Я сказала им, что справлюсь. Разумеется, я думала, что у меня это получится.

Три дня я бродила как в тумане в ожидании, что зазвонит телефон и кто-нибудь скажет, что первый звонок был ошибочным.

Второго звонка я так и не дождалась. Зато мой телефон обрывали все, желающие убедиться, что со мной все в порядке.

А потом однажды позвонила Мари, сказав, что оставляет магазин на Майка. Она летит, чтобы побыть со мной.

Я была слишком беспомощной и не могла решить, хочу ли я, чтобы она была рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Приблизительно 167 см. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Система школьного образования в США включает в себя 12 классов. С 9-го класса начинается обучение в средней школе (14–17 лет). Обучение в начальной школе начинается с 6 лет.

3

Vom Dia (порт.) – доброго дня, всего хорошего.

4

Плюшевый кролик (The Velveteen Rabbit) – детская повесть Уильямса Марджори.

5

1 дюйм = 2,54 см.

6

Имеется в виду полуостров Кейп-Код – самая восточная часть штата Массачусетс.

7

День поминовения – 30 мая, день памяти павших во всех войнах, изначально – день памяти павших в Гражданской войне в США 1861–1865 гг.

Купить: https://telnovel.com/ru/reyd_taylor/nastoyaschaya-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)